

22 1. 12 ИСК. 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ

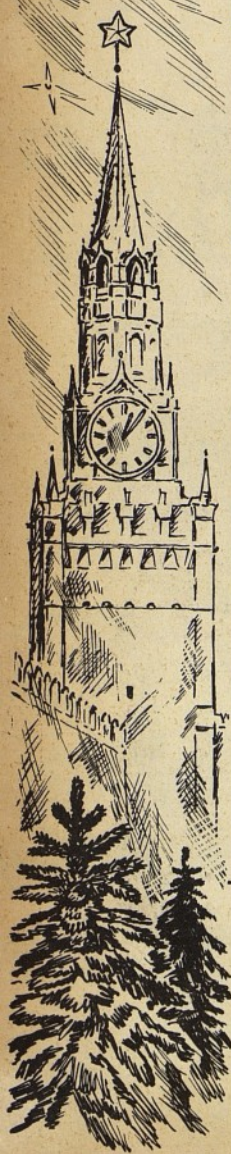
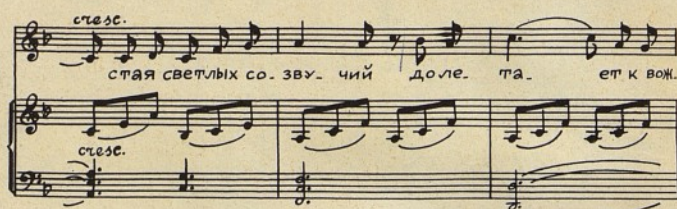
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ

Историка

Лирично,
выразительно

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газеты
«Искрука» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

АВГУСТ ● 1969

год издания XIII

ТИХО К ЛЕНИНУ ПЕСНЯ ВОШЛА

Музыка Ф. Брука

Слова М. ТАРАСОВА

1. Из далёкой гостиной,
Из ребяческих лет
Стая светлых созвучий
Долетает
К вождю в кабинет,
И в душе беспокойной
Загорается свет.
2. Тенью позднего часа
Отступили дела,
И к нему,
Словно гостя,
Тихо музыка в сердце вошла.
И далёко куда-то
За собой повела.
3. Ленин снова у Волги,
Буйно плещет она.
Уплывает отсюда
Навсегда,
Навсегда тишина,
И бурлацкую песню
Запевает волна.
4. И опять до рассвета
Он во власти забот,
Молодая Россия
Новой жизни
Навстречу встаёт.
И весенние дали
Озаряет восход...

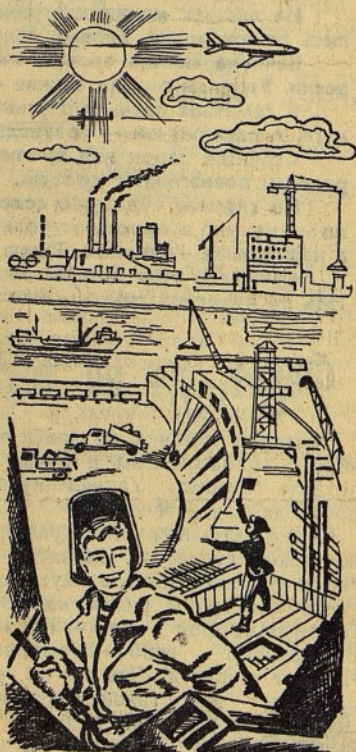

Рис. П. Вискова

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
г. Саратов

Путешествие по стране «Август»

Путешествие по стране «Август» лучше всего начинать ранним утром. Сунь в карман бутерброд и быстрее за калитку.

Утро и белый туман. Туман весёлый, весь солнцем пронизан, сияет и светится — хоть глаза жмурь!

Над головой кляксы синие — это просветы неба. Под ногами пятна седые — луговинки сырой травы. По сторонам неясные тени шепчутся и шевелятся. Весь мир утонул в тумане!

Но вот всё поплыло, заколыхалось — и просияло! Дали стали чёткими, краски яркими, звуки звонкими. А роса такая, что хоть умывайся!

Росинки дрожат на кончиках листьев. Росинки стреляют красными стрелами. Росинками переполнились цветы-бокалы.

На листьях манжетки гранёные звёзды. Колоски и метёлки согнулись от ожерелий. Еловые лапы словно хрустальные люстры.

Качнула синица еловую люстру — обрушились сверкающие подвески. Ударили они по осинке — осинка вспыхнула и затрепетала.

В гамачках паучьих ртутные бусы. Нити паутины — как нити жемчуга. А сети паучьи — созвездья в лесной вселенной.

Струится парок над тропинкой. Синие лучики проткнули чащу. От радости повизгивают дрозды.

Но главное чудо уже совершилось. Когда туман поднимался и таял — на миг в просветах повисала радуга. Не привычная семицветная, а невиданная — снежно-белая. Белая на голубом.

Свежесть утра бодрит. И впереди ещё весь день. Шагать да шагать по чудесной стране «Август».

Федот, да не тот!

Поставил грибник на пенёк корзину с грибами. Сам к ручью отдохнуть отошёл. Увидел кузовок дрозд да как затрещит:

— Ах, батюшки, ох, матушки, что же такое делается? Ядовитые поганки в кузове сидят, а вкуснейшие съедобные грибы рядом валяются! Благороднейший гриб — Боровик! Вкуснейший гриб — Шампиньон! Что тут творится? Что это за гриб-

ник такой незнайка и растяпа? Набрал одних поганок да ещё и радуется, небось? Надо же нам его от беды спасти!

А тут ещё Мухомор из-под листа высунулся и говорит:

— Эх, была не была, назовусь груздем да и полезу в кузов! Что я хуже других поганок, что ли?

— Какой же ты груздь, — закричал Боровик, — когда ты Мухомор!

— Никакой ты не груздь, почему ты лжешь? — вскрикнул гриб Шампиньон.

— Все лгут, и я лгу, — отвечает Мухомор. — Ты, Боровик, лучше посмотри, кто в кузове-то справа сидит? Вон ложный Опёнок. Вон ложная Лисичка! Все ложные: лгун на лгуне! И слева ещё хуже! Вон Сатанинский ядовитый гриб. А вон, полюбуясь, ядовитая Бледная поганка торчит! А это горький, как горчица, Жёлчный гриб! Вот какая

компания в кузове собралась! А я что — хуже их? Я тоже поганка. Пустите меня к своим!

Полез Мухомор в кузовок, а поганки его не пускают.

— Братцы поганки! — завопил Мухомор. — Вы что — своих не признаёте? Чего вы пихаетесь? Это ж я, Мухомор! Бледная поганка, замолви словечко за родственника. Мы же с тобою друзья до гроба!

— Ну уж нет! —

отвечает Бледная поганка. — И не подумая! Полюбуйтесь на этого дурня в красной шапке. Да ещё и в белую крапинку. Тебя же любой грибник с первого взгляда узнает, сразу поймет, что ты за фрукт! А из-за тебя и нас ещё из кузова вышвырнет.

— Жёлчный гриб, дружище, — кричит Мухомор, — хоть ты мне протяни руку! Ты поганка и я поганка. Друг друга нам выручать надо!

— Была бы охота! — ворчит Жёлчный гриб. — Ты же, дуралей, все наши поганкины обычаи нарушил, всю нашу ядовитую семью подвёл. Ну чего ты в красную шапку вырядился? Разве настоящая поганка станет сама в глаза всем кидаться да в ногах путаться? Уж коли ты поганка, так хоть прикинься порядочным грибом, под съедобного замаскируйся. Бери, глупыш, с нас пример! Правду я говорю, гриб Сатанинский?

— Ты, Жёлчный гриб, — отвечает гриб Сатанинский, — прав, как всегда! Ты, Мухомор, нас знаешь: мы до мозга костей поганки! А взгляни на нас — по виду разве заметно? То-то вот и оно! Мы в чужую одежду стараемся нарядиться. Да не во всякую там одежду, а с выбором. Кто среди всех грибов самый образцовый и положительный? Конечно же, Белый гриб Боровик. Он во все блюда мастер: в жарено, варено и в маринад. Хоть соли его,

хоть суши — он только лучше становится. Вот я, Сатанинский гриб, и гриб Жёлчный в его одежду и вырядились! Попробуй-ка нас различить с ходу! И пиджачок одинаковый и шляпа похожа. Потому нас грибник и спутал. А тебя пусти — ты ведь нас с головой выдашь!

— Учись у меня, — хвалится ядовитая Бледная поганка. — Из всех поганок я самая ядовитая, прямо

как змея! А по одежке — распрекраснейший и нежнейший гриб Шампиньон! Меня вон грибник-незнайка и не распознал, а тебя, дурня, за версту узнает!

Полез Мухомор опять в кузов, а его опять выпихнули.

— Значит, так и не пустите? — рассердился он.

— Так и не пустим! Лучше и не проси! — отвечают поганки.

— До трёх считаю: раз, два... — пригрозил Мухомор.

— Три, четыре!.. — издеваются поганки.

— Ну, поганки, держитесь! — заорал Мухомор. — Пеняйте на себя теперь! Я вас сейчас всех на чистую воду выведу! Все ваши приметы и хитрости грибникам выдам. «Мы как белые! Мы как шампиньоны!» Хоть вы и похожи, да не одно и то же! — и выволок из кузова грибы Жёлчный и Сатанинский, схватил их за шляпки и поставил рядом с Боровиком.

— Смотрите все и запоминайте! По виду эти поганки и в самом деле похожи на гриб Боровик. Но если Сатанинскому надломить шляпку — вот так! — то на изломе она станет лиловой, а если то же сделать с грибом Жёлчным — вот так! — то его шляпка на изломе станет розовой. Запомнили? А у тебя, благородный гриб Боровик?

— А у меня излом шляпки всегда белый! — ответил гордо

гриб Боровик. И сам надломил себе шляпку. — Видели? Беленькая, чистенькая и не горькая!

А Мухомор не унимается:

— Теперь, Бледная поганка, твоя очередь! Становись рядышком с Шампиньоном. Сверху ты и впрямь на него похожа, а вот снизу — совсем другая! Какие у тебя пластинки под шляпкой? Белые, бледные. А у Шампиньона? А у Шампиньона они розоватые, а то буроватые. Вот и весь вам мой сказ! Кто там ещё в кузове прячется? Ага, ещё

Ложный опёнок с Ложной лисичкой! Ну эти обманщики не страшные, если их и спутаете — не отравитесь. Кыш по кустам!

Разогнал Мухомор всех поганок, посадил в кузовок гриб Боровик и гриб Шампиньон и говорит:

— Ну а меня-то вы уж ни с кем не спутаєте! Как говорится — по Сеньке и шапка. И рад бы божьей коровкой прикинуться, да пятнышки выдают!

И снова под листик спрятался.

Вернулся грибник, взял свой кузовок и пошагал домой. Так ничего и не заметил. Вот растяпа!

СМЕШИНКИ

Сорока и Медведь

— Эй, Миша-Медведь, на вопрос ответить.

— Какой вопрос, стрекотуха?

— Почему тебя Медведем зовут? Глухарь — он весной глухой — понятно, заяц-беляк — он зимой белый, понятно, а вот Медведь — не понятно!

— Хе-хе! Бестолковая ты птица. Медведь — значит мёд ведающий. Знаю, стало быть, где мёд в лесу спрятан.

— А где, где он, мёд-то?

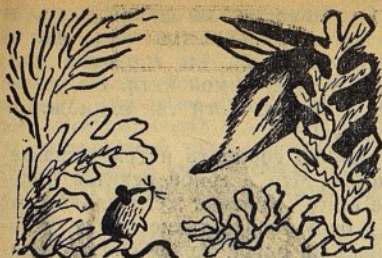
— Так я тебе и сказал! Ты же всем разболтаешь сразу, все вы в лесу тогда медведями станете.

Лиса и Мышь

— Мышка-трусишка, ты трёска боишься?

— Ни крошечки не боюсь!

— А громкого топота?

- Ни капельки не боюсь!
- А страшного рёва?
- Нисколько не боюсь!
- А чего ж ты тогда боишься?
- Да тихого шороха...

Крот и Филин

- Слушай, Филин, неужели ты меня проглотить можешь?
- Могу, Крот, могу. Я такой.

- Неужто и зайчонка протолкнёшь?
- И зайчонка протолкну.
- Ну а ежа? Хе-хе...
- И ежа проглочу.
- Ишь ты! А как же колючки?
- А колючки выплуну.
- Смотри какой молодец! А Медведь вон на ежа даже сесть боится...

Сердитые голоса

ЖАЛУЕМСЯ НА ЧИСТОПЛОТНЫХ!

«Жили мы в прозрачном озерке. Жили — не тужили. Всё вокруг глаз радовало, и дышалось легко. Но протоптали ребята-туристы дорожку к нашему озерку. Это бы ничего: ребята хорошие, аккуратные. Зря деревья не рубят, кусты не ломают, уходят — костёр водой заливают. Даже мусор после себя убирают. Только вот убирают они его по-своему: в охалку, да в наше озерко! Все концы в воду. Скопились у нас на дне разные банки-склянки, бумага и тряпки. Мы год терпели, два терпели, а на третий год — не вытерпели! На дне свалка — глаза б не глядели, вода ржавая — дышать нечем.

Вот и жалуемся. Озёрные рыбы большие и маленькие».

«А мы жалуемся на слишком жалостливых человеческих пап, мам и их деток! Когда мы вылетаем из гнёзд, то рассаживаемся поодиночке. Сидим себе в траве или в кустах и попискиваем. Ждём, когда наши птички папы и мамы вкусную гусеничку принесут. А жалостливые люди считают нас сиротами и забирают к себе домой. Сажают в тесную коробку и начинают совать в рот хлеб, крупу, а то и копчёную колбасу. От такой заботы нам остаётся только околеть. Что мы и делаем. Птенцы».

По грибы!

(Рассказ-загадка)

— Август, ребята, самое грибное раздолье! Любо грибы собирать! Интереснейшее занятие! И полезнейшее. И «вкуснейшее»! Но совсем и совсем не лёгкое. Ходишь-ходишь, бродишь-бродишь—с утра до вечера. Да ещё каждому грибку-малышу в пояс кланяйся! И до того за день набродишься да накла-няешься, что спина и ноги гудят.

Но я человек находчивый. Я лично теперь на всякую грибную мелочь внимания не обращаю. Всякие там крохотные боровички, моховички, осиновички—это не для меня. Пока ими корзину наполняешь—сам коромыслом согнёшься. Я теперь беру грибы только трёх сортов: развесистые, трёхэтажные и... подземные!

ОТГАДКИ

Загадки, как всегда, загадал нам Завирушкин. Был он в июле в лесу со своим фотоаппаратом, снимал там птиц и зверей. Помните, показывал нам снимки? Белого зайца-беляка, белую куропатку, белого горностая? И загадка была такова: мог ли Завирушкин встретить и снять таких птиц и зверьков летом в лесу?

На первый взгляд всё тут как будто верно. Называется заяц-беляк, и на снимке он белый, называется куропатка белой — и на снимке она белая, говорится о гор-

Особенно люблю собирать грибы трёхэтажные. Два-три таких многоэтажных гриба—и корзинка полная! Можно домой идти. Не устал, не утомился. Ноги так сами собой и бегут!

Люблю собирать и грибы развесистые. Что в грибе ценится больше всего? Конечно же, шляпка. Вот я и беру только такие грибы, у которых на одной ножке сразу с полсотни шляпок. Не гриб, а прямо куст с листьями! Найдёшь один такой, и довольно. Еле в корзинке поместится. Домой идёшь—посвистываешь да приплясываешь!

Но больше всего люблю собирать грибы подземные. Ростом, правда, они небольшие, но что за вкус у них, что за аромат! Если пойдёте за такими грибами, не забудьте лопату с собой захватить. Их надо выкапывать из земли. Собирать их, конечно, трудно: и не видно и выкапывать надо. Но я и в этом случае не теряюсь. Есть же на свете собаки-волкодавы, медвежатницы. Почему бы мне не выучить собаку-грибницу? Взял и выучил. Моя верная собака-грибница подземные грибы издали чувствует. Учуёт и ведёт меня к месту. Приведёт да ещё и выкопает. Я нагибаюсь и шутя набираю корзину. И вот вам мой совет: не возитесь с разной мелочью. Собирайте грибы многоэтажные, развесистые и подземные. Послушаетесь меня—спасибо не раз скажете! Ну, ни корешка вам, ни шляпки!

ностае — и на снимке горностай. Но это только на первый взгляд! А на самом деле таких снимков Завирушкин в июле никак сделать не мог. Даже встретить таких зверьков и птиц не мог. Хотя зайца и называют беляком, но летом-то он вовсе не белый, а серовато-бурый. А белым он бывает только зимой.

То же самое и с белой куропаткой. Белой она только зимой бывает. А летом она совсем не белая, а пёстрая.

Вообще в прошлый раз наш уважаемый Завирушкин полностью свою фамилию оправдал — наговорил небылиц. Будто бы и горностая белого видел. А летом горностай белым не бывает. Летом у него одно брюшко белое, а всё остальное тело коричневое.

ВЫ ЗНАЕТЕ «Дом в сто этажей»? Не знаете? Жаль... Это удивительный дом. В ста его этажах много-много квартир. А ещё больше жильцов. И среди них, конечно, полно ребят. Маленьких и постарше, тихонь и задир, отличников и неотличников. Ещё живёт в нём «Мой брат боксёр и ласточки». И один мальчишка, который очень любит кататься «На самокате вдоль нашего дома». И где-то в самой середине дома, наверное, на 51-м этаже живёт писатель. Сергей Евгеньевич Вольф.

Правда, когда он начинал писать, он ещё не жил в этом доме. В другом жил. И ходил в 249-ю ленинградскую школу. И писал не рассказы, а стихи.

Стихи он пишет и сейчас. Но чаще — рассказы, повести. И дом этот он сам придумал. Так и книжка называлась: «Дом в сто этажей».

А сейчас возле этого дома стоит паренёк. Робкий и нерешительный. Или, может быть, просто застенчивый. В дом ему войти трудно. Потому что он сам себя считает каким-то «необщительным». Но войти нужно. Войти и найти в нём своё место. А главное — нужно найти самого себя. Писатель так и назвал свою новую повесть: «Ищи себя, Громов»

СЕРГЕЙ
ВОЛЬФ

ИЩИ
СЕБЯ,
ГРОМОВ

Рис. Ю. Шабанова

1.

— А в глаз ты не хочешь?

— Нет, — сказал я. — Не хочу.

— А в ухо? — спросил второй.

— Тоже нет, — сказал я.

— А в нос?

— Ну нет же.

— По шее! По шее хочешь?

— Нет.

— А по уху?

— А по уху и в ухо — разве не одно и то же? — зачем-то спросил я.

— Разные вещи, — сказал один из них. Всего их стояло вокруг меня человек пять.

— Нет, не хочу, — сказал я.

Брунда какая-то! Они всё спрашивали, а я всё отвечал, а они опять спрашивали и ничего со мной не делали, — они просто понимали, что хоть я и говорю «нет» и «не хочу», а

сам всё равно ничего, оказывается, не прошу у них, не хнычу, не подлизываюсь и не боюсь, они просто понимали, наверное, что я совсем о другом думаю. Они все были из 6 «в», или «г» — не знаю, я ещё не разобрался.

А эта девочка! Ох уж эта девочка! Я, дурак, сразу должен был догадаться, что хорошо это не кончится, — такая она была красивая... Ну, как бабочка что ли... Таких девочек ещё поискать надо, не в каждой школе найдёшь. Я её заметил ещё на первой переменке и всё смотрел, как она носится по коридору, порхает. Конечно, очень трудно было её рассмотреть, потому что она всё время носилась,

на каждой переменке. Потом уроки кончились, и все пошли из класса, я тоже пошёл и вдруг вспомнил, что я, балда, в классе портфель оставил. Представляете? Не авторучку, не тетрадку там, а портфель — самое главное. И вот, когда я за ним сбегал и шёл обратно по пустому коридору, я, вдруг обернувшись, увидел, что она вышла из класса и тоже идёт по коридору, сзади меня. Она шла и пела, и я всё оборачивался, чтобы рассмотреть, какая она есть. Трудно было всё время головой крутить, и я пошёл тогда головой назад, а ногами вперёд, ну, то есть я шёл, как и раньше, а сам смотрел назад, на эту девочку.

Нет, никогда не надо так ходить в школе по коридору!

Я услышал, как кто-то сказал басом:

— Ах! Ох! Что с тобой, мальчик?

В глазах у меня стало темно, а голове мягко-мягко. Я прыгнул куда-то в сторону, открыл глаза и увидел высокого седого человека.

— Ты попал мне головой в живот, — сказал он. — Как это ты умудрился? Ты поразительный мальчик, хотя, правда, я довольно высокого роста. Ну, ладно, иди. Не делай так больше.

— Извините, простите, — слышал я свой голос, и ещё я слышал, выбегая на лестничную площадку, как смеётся где-то внизу эта девочка, походя на бабочку.

Я выскочил на улицу как угорелый. Я стал размахивать портфелем, кружиться на месте, — весь я был будто заводной, — и вдруг портфель вырвался у меня из рук и полетел высоко вверх...

— Значит, не хочешь в глаз? — спросил опять один из этих пяти.

— Нет, — повторил я в двадцатый раз.

— А ты за что его ударил? — спросил другой.

— Я не ударил, — сказал я. — Просто портфель сам упал ему на голову.

— Но ведь это ты его бросил, а?

— Ну да, но я не нарочно, просто он вырвался.

Сам-то этот, ну, тот, которому портфель упал на голову, стоял, покачиваясь, и молчал.

Вдруг круг их раздвинулся,

и я увидел эту девочку, эту бабочку.

— Оставьте его, — сказала она, задрав нос и не глядя на меня. — Он новенький.

Все зашумели, а рыжий сказал:

— Он ударил Бочкина сверху портфелем.

— Да, — сказал Бочкин и качнулся.

— Оставьте его, — повторила она. — Он же не в себе. Он только что влетел головой в живот директору школы. Он новенький.

Они зашумели, начали смеяться и разошлись.

Я остался один. Постоял немного и пошёл домой.

2

Очень странно было идти по незнакомому городу, подыматься по незнакомой лестнице, звонить в незнакомый звонок — к себе домой.

Ещё три дня назад папа, мама, Зика и я были в Сибири, а сегодня я уже в Ленинграде и даже ходил в новую школу. Сходил, так сказать. И, главное, мы там, в Сибири, задержались и прилетели на самолёте в Ленинград, когда занятия в школе уже начались, и теперь мне придётся догонять класс.

Мама улыбалась как солнышко, когда я вошёл.

— Ну как? — спросила она. — Как первый день в школе?

— Просто прекрасно, — сказал я.

— Тебя не обижали?

— Вот ещё, — сказал я. —

С чего это вдруг? Просто так, что ли?

— Ну, я не знаю, — сказала мама. — Дети — такой подвижный народ.

Вдруг она положила руку мне на плечо и стала смотреть в глаза, а я начал вертеть головой, потому что нарочно смотреть в глаза — это одна из самых ужасных вещей на свете. Мне так кажется.

— Послушай, — сказала она. — Ты с кем-нибудь подружился сегодня, а?

— Нет, — сказал я. — Нет.

— Это плохо, — сказала она. — Это очень плохо. Мне бы так хотелось.

Я крутил головой и не мог смотреть ей в глаза.

— Ты должен быть общительным, и тогда все тебя полюбят. Ты увидишь, детям понравится, что ты общительный.

— Я общительный, — сказал я.

— Не знаю, — сказала мама. Она так и норовила заглянуть мне в глаза. — Иногда мне кажется, что ты необщительный. Вот Зика — общительная.

И как раз зазвонил звонок.

— Это она, — сказала мама и пошла в прихожую.

Зика влетела в комнату так быстро, что я даже не успел сойти с места и стоял посреди кухни с портфелем будто неживой. Зикин портфель ещё летел на стул, а она уже мыла руки, хохотала и спрашивала про пельмени.

— Меня сегодня уже вызывали, — сказала она. — Обалдеть можно!

— Ка-ак? Уже в первый день? Ты же новенькая, — сказала мама.

— Ну, конечно, меня никто специально не вызывал, это я сама руку подняла.

— И что же?

— Там одна девочка не могла на доске задачу решить, я вышла и решила.

— Скажи, — мама вдруг стала строгой, — а эта девочка не обиделась на тебя, нет? Вы не поссорились на переменке? Никто не сказал, что ты выскочка?

— Что ты! Ко мне все отнеслись просто прекрасно. И эта девочка тоже. Я же не давала там какая-нибудь.

— Да, — сказала мама. — Ты у меня просто прелесть до чего общительная.

«А я — нет, — подумал я. — Или я всё же общительный? Разве я в той своей старой школе был необщительный?»

— Знаете, — сказал я громко, и мама с Зикой тут же замолчали и стали глядеть на меня во все глаза. — Знаете, я сегодня боднул головой в живот директора школы.

Мама стала бледная, как снег.

— Что-о? И это в первый день? Нет, я не то говорю. Но это же ужасно! Но я надеюсь, что ты это сделал не нарочно? О, что я говорю? Конечно же, не нарочно! Хочешь, я сама пойду в школу и скажу директору, что ты это сделал не нарочно?

— Это ещё зачем? — спросил я.

— Но ты же не нарочно?

— Да, — сказал я. — Чисто случайно.

Зика смотрела на меня, склонив голову набок, и у неё в глазах так и скакали, так и прыгали какие-то малюсенькие светящиеся жучки.

Она сказала:

— Умоляю. Расскажи всё подробно.

— Ещё чего? — сказал я и вышел из кухни.

Тут же зазвенел звонок, я открыл дверь. Это был папа.

3

Как раз очень кстати случилось: следующий день был воскресенье, да ещё дождь зарядил, — так бы все мы гулять отправились, папа, мама, Зика и я. А так они никуда не пошли из-за дождя, и я пошёл один. Именно так мне и хотелось — в школу не идти и побыть одному, в одиночестве. Здесь объяснять нечего, здесь, я думаю, и так всё ясно.

Эрмитаж, Исаакиевский собор, крейсер «Аврора», Петропавловская крепость! Кто их не знает? Они же всемирно известны! Туристы так и мчатся в Ленинград, чтобы увидеть все эти замечательные места. А я их не видел! Ни разу. Никогда.

Я шёл под дождём и думал о том, как хорошо, что сегодня воскресенье, что не нужно идти в новую школу, что дождь кругом, и я один, и можно пойти и посмотреть Эрмитаж, и Петропавловскую крепость, и «Аврору».

Я спросил у одного челове-

ка, как мне доехать до Эрмитажа, и он сказал, что на таком-то троллейбусе.

Я сел в троллейбус, устроился у окна и долго глядел, как хлещет дождь по асфальту. Я долго ехал. Потом троллейбус остановился и никуда не пошёл дальше, а кондукторша сказала:

— Всё, всё, граждане. Кольцо. Приехали.

— А где здесь Эрмитаж? — спросил я у неё.

— О, милый! — сказала она. — Это в другую сторону.

— Спасибо, — сказал я, выскочил из троллейбуса и тут же увидел, что дождь хлещет как угорелый. Все люди кругом побежали, и я побежал, в каждой парадной было битком набито, я бежал всё дальше и дальше, куда-то завернул и вдруг увидел... море.

Я остановился, раскрыл рот... нет-нет, не так — сначала раскрыл рот, потом остановился и стал смотреть на тихое серое море, без конца и края.

Кто-то схватил меня за руку и втащил в тёмную парадную, я растерялся сначала, потом огляделся и увидел всего одного человека. Наверное, он и втащил меня в парадную.

— Ты что, с ума сошёл? — спросил он. — Что ты стоишь на таком дожде, что ты там увидел?

— Это, — сказал я и махнул рукой в сторону моря. — Море.

— Это Финский залив, — сказал он.

— Я никогда не видел, — сказал я.

— Но он не замёрз, льда

нет, — сказал этот человек возмущённо.

— Ну и что? — спросил я. — При чём здесь лёд?

— Зимой я ловлю здесь рыбу, — сказал он.

— А летом? — спросил я.

Он посмотрел на меня с подозрением.

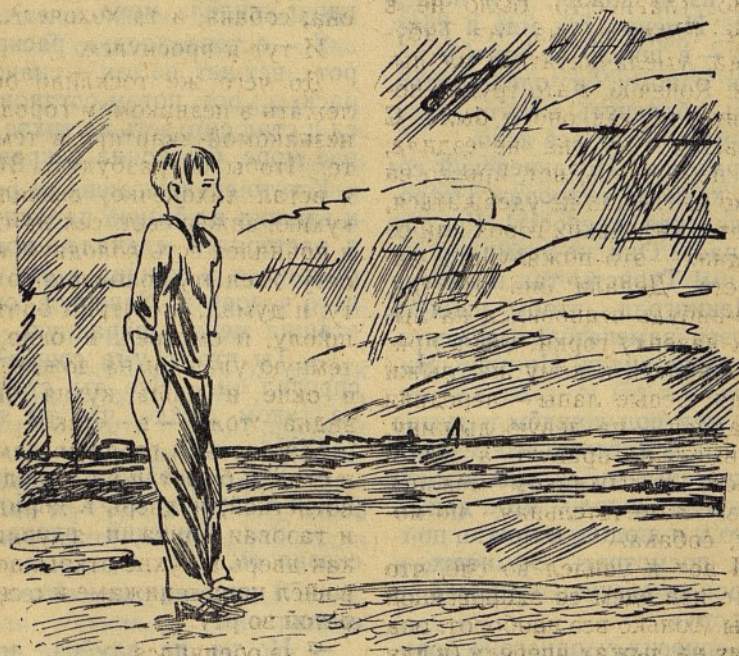
— Не признаю, — сказал он. — Только зимой. Запомни — не признаю. Не признаю, понял? Запомни это. Только зимой я ловлю рыбу.

И он выбежал из парадной, юркнув куда-то влево. Я поглядел ему вслед, увидел, что дождь перестал, и тоже пошёл на залив.

Было пустынно и тихо, дождь почти перестал, только немножечко прыгал по воде. Я

пошёл вдоль воды, по мокрому песку, глядя, как вдалеке, на горизонте, медленно плывёт малюсенький кораблик с длинным хвостом дыма из трубы.

Как же это всё получается? И почему я хочу сделать что-нибудь одно, а выходит наоборот, вообще по-другому. В школе я незаметно хотел поглядеть на девочку, но она-то всё заметила, ещё хуже — на её глазах я налетел на директора, именно мой, а не чей-нибудь портфель должен был вырваться из руки и не просто упал, а именно кому-то на голову. Всего один раз я был в новой школе, я ничего особенного специально не сделал, а некоторые уже смотрят на меня с улыбочкой.

Ночью я увидел удивительный сон. То есть сам-то по себе он был сон как сон, довольно-таки обычный, но удивительно приятно было его смотреть, потому что он был про Сибирь, про тот городок, где мы жили.

Там у нас, в этом городке, была одна собака, не у меня лично, а у одного мальчика из нашей школы, с очень смешным именем собака, её звали Табуретка. По виду ей это имя абсолютно не подходило, она была здоровенная, помесь овчарки с ещё какой-то другой огромной собакой, но вот, если на неё сесть и, допустим, почитать книгу часок-другой, или просто так сидеть, она стояла совершенно неподвижно, как вкопанная, — отсюда и имя.

Но главное-то было не в этом. Главное, она, эта Табуретка, умела кататься на лыжах. Конечно, в это трудно поверить, но так оно и было. С больших гор она не ездила, она не боялась, нет, просто ей было на лыжах не удержаться, а вот с маленьких горок или со средних — это пожалуйста, запросто. Делала она это так. Кто-нибудь становился на лыжах наверху горки, а она пристраивалась к нему на лыжи сзади: левые лапы — передняя и задняя — на левую лыжину, правые — на правую, а потом вместе с лыжником мчалась вниз. Замечательная, по-моему, собака.

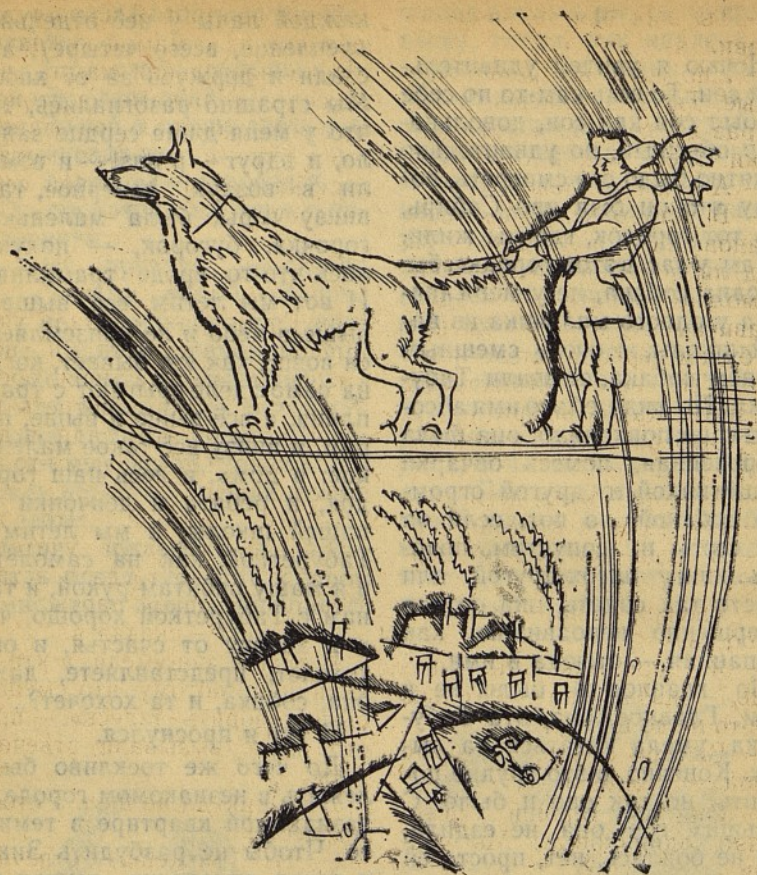
И вот я увидел во сне, что мы с ней едем со здоровенной горы. Только всё наоборот: она стоит на лыжах впереди (и для

каждой лапы у неё отдельное крепление, всего четыре), а я сзади и держусь за её хвост. Мы страшно разогнались, так что у меня даже сердце заныло, и вдруг — р-раз! — и взмыли в воздух, наверное, там, внизу горы, была маленькая горочка, бугорок, — получилось что-то вроде трамплина. И вот мы летим всё выше и выше в небо и не приземляемся вовсе, как это бывает, когда на самом деле прыгают с трамплина, а всё выше и выше, парим, и внизу всё такое маленькое: и дома, и весь наш городок, и ребята и девчонки из нашей школы, а мы летим с Табуреткой, как на самолёте, и я машу ребятам рукой, и так нам с Табуреткой хорошо, что и я хохочу от счастья, и она хохочет, представляете, даже она, собака, и та хохочет?..

И тут я проснулся.

До чего же тоскливо было лежать в незнакомом городе, в незнакомой квартире в темноте. Чтобы не разбудить Зику, я встал тихонечко, вышел на кухню, зажёл свет, сел на стул и принялся есть холодную котлету. Я ел эту холодную котлету, и думал, что утром опять в школу, и смотрел в окно, на тёмную улицу и на дождь. Но в окне и наша кухня была видна тоже — в стекле всё отражалось: и горящая лампа, и стол, и буфет, и я с холодной котлеткой, и дверь в коридор, и газовая плита, и я увидел, как дверь в кухне открылась и вошёл папа в пижаме и с сигаретой во рту.

Я не обернулся.

— Не спишь? — спросил он. — Почему?

— Так, — сказал я. — Не спится.

— А-а, есть захотел? — сказал он.

Он сел рядом со мной, положил сигарету в пепельницу и стал отщипывать пальцами кусочки котлеты, которую я держал в руке, и задумчиво класть себе в рот.

— Как дела в школе? — спросил он.

— Ты уже спрашивал, — сказал я.

— Ах, да-да, действительно, я забыл. Голова кругом идёт, всё думаю.

— Ты поэтому и не спишь?

— Да.

— А о чём ты думаешь?

— О работе.

— Что, неприятности?

— Нет, не то слово. Просто неполадки.

— Может, ты необщительный?

— Кто — я? Да нет. Я общительный, и это здесь вообще ни при чём, потому что, хоть работа и новая...

— Ты, как и я, новичок, — вставил я.

— ...но люди всё равно знакомые. Ты ведь знаешь, я тыщу раз летал сюда в командировки. Здесь дело в другом.

— А в чём же дело?

— В установке. У нас одна установка не получается. Ты вряд ли поймёшь, но установку можно собрать так и эдак, в зависимости от того, из чего мы будем первоначально исходить. То есть — существуют два пути. Какой выбрать?

— Выбери один какой-нибудь.

— А второй куда деть?

— Ну, выбери второй.

— А куда мы денем первый?

— Выбери оба, — сказал я глупость.

— Я понимаю, ты шутишь, — сказал папа. — Только мне-то не до шуток.

— Выбери путь, который лучше, — сказал я.

— Они оба хороши. Совершенно одинаковые. Мы считали.

— О! Придумал! — сказал я. — Конечно, если они совершенно одинаковые, эти пути.

— Что? Что? Говори скорее!

— Киньте монетку, — сказал я.

Он вздохнул и сказал:

— Это не по науке. Я съел у тебя всю котлету. Ну, я пошёл спать.

И он ушёл из кухни.

Я погасил свет и ещё немного посидел в темноте, глядя на дождь за окном, потом тоже пошёл досыпать.

Папа не спал. Я заглянул в щёлочку их с мамой комнаты: горела настольная лампа, папа сидел в пижаме за столом со своей специальной линейкой в руке, и что-то бормотал, и стучал этой линейкой себя по носу.

5

— Громов, — сказала учительница географии, и все, кто сидел впереди меня, обернулись и стали смотреть на меня, да и те, кто сзади, я думаю, тоже. Но я почему-то не шевельнулся.

— Ну, Громов. Что же ты? — снова сказала учительница, и только тогда я встал, хлопнув крышкой парты.

— Здесь! — сказал я.

В классе зашумели, а кто-то хихикнул, потому что смешно было говорить «здесь», — просто меня вызывали отвечать урок.

Но я никуда не шёл, а стоял на месте.

— Ты можешь отвечать урок? — спросила учительница. — Хотя это не обязательно, потому что ты новенький, да ещё опоздал к началу учебного года.

— Могу, — сказал я. — Урок я выучил.

— Ты учти, что это не обязательно, — сказала она, — раз ты позже всех пришёл в этом году в школу. Потом ты новенький и ещё не привык, ведь правда? Ну, ладно, садись. Я тебя в другой раз вызову. Готовься к урокам как можно серьёзнее. Садись.

Тут же у меня упала авто-

ручка, и я полез под парту и уже там, под партой, услышал, как все кричат:

— Громов! Громов!

— Где же он? — услышал я голос учительницы.

— Он под партой! Он под партой!

— Вылезай, Громов! Вылезай!

Я вылез из-под парты и встал руки по швам.

Она спросила:

— Зачем ты полез под парту?

— У меня авторучка упала, — сказал я.

— Ну, это не страшно. Я хотела спросить — ты приехал из Сибири, да?

— Да, — сказал я.

— А из какого города?

Я назвал. Она поморщилась и сказала:

— Я, кажется, слышала про этот город.

— Это очень маленький городок, — сказал я. — Его никто почти не знает.

— Да-да, — сказала она. — Очень маленький, но я слышала.

— А там у вас твист танцуют? — спросил кто-то. — А шейк?

— Что? Что такое?! — сказала учительница.

Кто-то захохотал басом.

Она сказала:

— Ты когда-нибудь расскажешь нам про Сибирь? Когда будем проходить по программе.

— Ладно, — сказал я. — Только я плохо умею.

— Надо говорить не «ладно», а «хорошо», — сказала

она. — Сколько у тебя было по русскому?

— Не помню, — сказал я.

Глупо, но я на самом деле не помнил.

— Вот это да! — громко сказал кто-то, и все зашумели.

— Странно, — сказала она. — Ну, хорошо, садись. Продолжаем урок.

Никак у меня не получалось внимательно слушать. И так весь день, все уроки. На каждой переменке я убегал вниз, на первый этаж, где учились малыши, и ходил там один: там ведь никто меня не знал и вполне могли подумать, что я назначен у малышей дежурным.

После уроков кто-то сказал:

— Новенький! Новенький! Ты не забудь!

— Что не забудь? — спросил я.

— Ты что, ничего не слышал?

— Нет, ничего.

— Вот это да! Послезавтра в нашем классе «день здоровья», а завтра ты дежуришь по классу с Олей Рыбкиной. В школу приди пораньше.

Вон что оказывается! Ничего себе отключился! Просто ноль внимания на то, что говорят вокруг. Ну что ж, дежурным так дежурным. Привыкать-то надо.

6

— Ну, как? — спросила мама. — Как в школе?

— Ничего, — сказал я. — нормально.

— Я рада, я рада, — сказала она незнакомым почему-то

голосом. Она, неизвестно за-чем, растопырила руки и не пускала меня в комнату, а подталкивала в кухню.

— Что? Что? — говорил я, не понимая.

— Ты уже подружился с кем-нибудь в школе? — опять спросила она, так что мне тошно стало.

— Почти что да, — сказал я. — Совсем ещё нет, но уже как бы подружился.

— Он там, — сказала она. — В той комнате, — и она вздохнула.

— Кто «он»?

— Мальчик.

— Какой мальчик?

— Он пришёл с тобой по-дружиться.

— Какого мальчик?! — почти крикнул я.

— Он из нашего дома. Только он не из твоей школы. — Она говорила быстро. — Он из английской школы. Я познакомилась во дворе с его мамой. Я сказала, что мы только что приехали и ты новенький и ещё ни с кем не подружился. — Она говорила очень быстро.

— Он сам захотел прийти? — спросил я.

— Да. Или нет. Не знаю. Она предложила вас познакомиться, и я согласилась... Она сказала, что я ей нравлюсь, и я ей сказала то же самое...

— Зачем мне этот мальчик? — сказал я, вдруг до боли закусив губу. — Я никогда его не видел. Может, я не хочу с ним дружить. Я его не знаю. И он меня не знает. Может, и он не хочет.

— Боже мой, — сказала ма-

ма. — Боже мой! Об этом я и не подумала. Я просто хотела, чтобы было лучше. Я сделала не так, да?

Мне вдруг стало её ужасно жалко.

— Ерунда, — забормотал я. — Ничего страшного. Не выгонять же его теперь.

— Да, конечно, — обрадованно сказала она.

— Где он, этот мальчик? Раз уж он пришёл — пусть.

— Он в комнате, иди, — сказала мама и погладила меня по голове. Даже в глазах темно стало от всего этого.

Я вошёл в комнату. Мальчик в белом пушистом свитере сидел на стуле и смотрел в потолок.

Мы оба молчали, а он смотрел в потолок.

— Здравствуй, — сказал я потом.

— Привет, — сказал он.

Я сел, а он встал, и мы долго молчали.

— Ду ю спик инглиш? — спросил он.

— Ноу, ай доунт, — сказал я. — Да ты садись.

— Почему? — спросил он.

— Что «почему»?

— Почему ты сказал, что не говоришь по-английски? Тем более, что ты правильно понял мой вопрос и ответил вполне грамотно.

— Я его не знаю, английский язык, — сказал я.

— А почему? У вас в школе что — немецкий или французский? Но ты всё равно правильно ответил, грамотно.

— Нет, в школе у нас английский.

— Так почему ты не знаешь?

— У меня тройка, — сказал я.

Я подумал вдруг, что мама сейчас стоит за дверью и старается услышать, о чём мы говорим.

— Мне моя велела к вам заскочить, — сказал он. — Потому что тебе нужна помощь. Он, говорит, новичок в нашем городе, у него, говорит, трудности. Какие именно?

Вдруг, — сам не понимаю, как это вышло, — я повернулся и посмотрел ему прямо в глаза. Прямо в глаза! Как я сумел? Нет, это не я сумел, не

специально, просто что-то меня заставило.

— Ну, привет. Я пошёл, — сказал он.

— Привет, — сказал я.

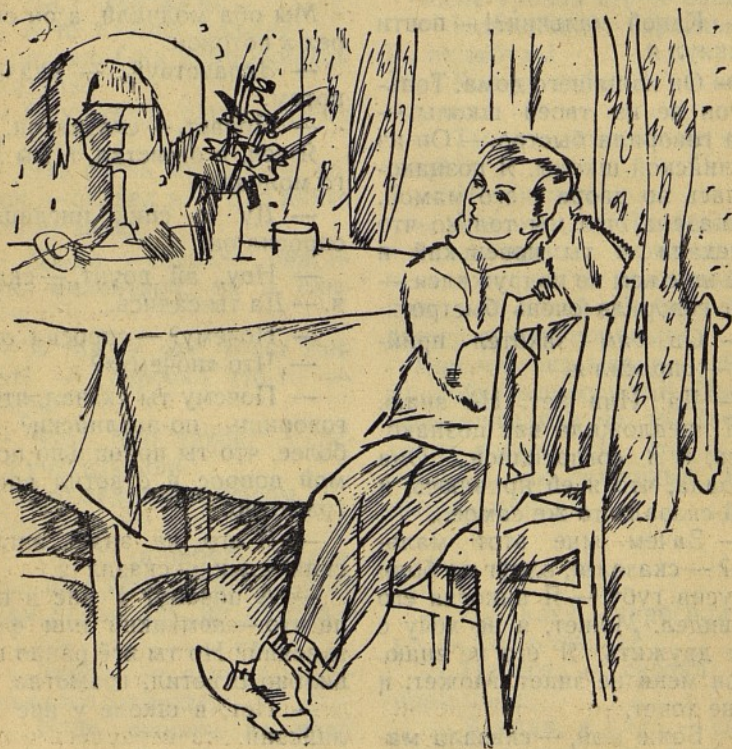
— Забегай поболтать.

— Я тут скоро по горло занят буду, — сказал я, краснея. Я опять старался не смотреть на него, когда закрывал за ним дверь. Честно, я почувствовал вдруг, что жутко устал.

— Ты с ним подружился, не так ли?

— Почти. Сразу ведь невозможно.

— Да-да, — сказала она. — Конечно. Я только очень хочу, чтобы ты не расстраивался,

что сразу подружиться невозможно.

Когда она это сказала, со мной вдруг что-то случилось: я вдруг запрыгал, забегал по квартире. «Что с тобой? Что с тобой?!» — кричала мама. «Ничего, ничего, я сейчас, я скоро!» — кричал я. «Что же с тобой?!» — кричала она. «Ерунда! — кричал я. — Я сейчас!» — и выскочил, хлопнув дверью, из квартиры на лестницу с белым листком бумаги. Я даже не помню, откуда он у меня в руке взялся.

Я помчался по лестнице наверх, на самый верх, на восьмой этаж, и только там остановился и отдышался. Сердце у меня прыгало, как ненормальное. Я открыл окно, и мне в лицо подул ветер, и небо было голубое-голубое и огромное, и я стоял высоко над землёй один, люди были совсем маленькие внизу, а ветер был тёплый, и я, торопясь, сложил из белой бумаги птичку, и размахнулся, и кинул её из окна в воздух.

Она не заковыляла в воздухе, не свалилась головой вниз, нет, она полетела плавными широкими кругами, медленно приближаясь к земле.

Вдруг я увидел внизу Зику, совсем маленькую сверху, и ещё какую-то девочку — тоже очень маленькую, они шли, держась за руки и размахивая портфелями. Мне эта девочка показалась знакомой, но я тут же подумал, что это ерунда, ведь у меня же нет знакомых, и как раз в этот момент не Зика, а эта девочка увидела

мою птичку и стала прыгать и хохотать. Птичка всё приближалась к ней, летела всё ниже и ниже, делая круги всё меньше и меньше...

Не знаю почему, но мне вдруг стало не по себе, оттого что птичку сразу будут лапать руками, прямо у меня на глазах, или — ещё хуже — Зика притащит её домой, и получится так, будто ничего и не было. Птичка уже летела совсем низко, только руку протянуть — и совсем рядом с этой девочкой, она прыгнула вперёд, но промахнулась, птичка полетела дальше, снижаясь, но в этот момент — то ли ветер подул, то ли ещё что — я не понял и даже растерялся, — она вдруг подскочила вверх и понеслась, набирая высоту, в небо, и не кругами, а прямо, всё выше и выше и, наконец, взмахнув в последний раз белыми крыльшками, исчезла в голубом небе.

7

На другое утро я почему-то первым делом вспомнил про вчерашнюю птичку. Я думал о ней всё утро — и пока молча завтракал, и пока шёл в школу, и в школе я о ней думал, когда сидел один в пустом классе на последней парте и ждал эту Рыбкину.

— Громов! Громов! — услышал я и увидел вдруг, что я в классе не один, а сзади стоит ещё какая-то девочка. — Ты приготовил тряпку? А ведро? Я сейчас, погоди. — И она вылетела из класса.

Скоро она вернулась и при-

несла кучу тряпок, ведро с водой, швабру и здоровенную лейку — даже неясно было, как это она, такая букашка, всё это дотащила. Косички у неё торчали в разные стороны, а спина была узенькая-узенькая.

— Что мне нужно делать? — спросил я.

— Я подмету пол, — сказала она. — Потом будем вытирать парты, доску и поливать цветы.

Она была ничего себе, симпатичная, может быть, потому что швабра у неё в руках была огромная, а сама она как букашка — и я просто диву давался, как она ловко с ней обращается. Пол она сначала весь полила из лейки. Мне было стыдно, что я сижу и ничего не делаю.

— Давай я тоже, — сказал я.

— Тогда поливай пока цветы.

На втором окне в первом же горшке я увидел жука. Он сидел на земле, чёрный, кругленький, толстый, довольно большой, и что-то творил передними лапками. Вполне красивый жучище. Про лейку я забыл.

— Громов, Громов! — услышал я. — Что же ты не поливаешь?

Я повернул голову — она стояла рядом.

— Жук, — сказал я.

— Действительно, — сказала Рыбкина, вставая на цыпочки. — Жучок, жучочек!

— Как же теперь поливать, раз он тут сидит? — сказал я.

Рыбкина сказала:

— Я его перенесу в соседний горшок, а ты пока этот поливай.

Мы так и сделали. Потом, когда я принялся вытирать доску и парты, Рыбкина утащила из класса лейку и швабру, после — ведро и тряпки. Она вернулась, и делать нам больше было нечего. Она села за свою парту, а я за свою, я поглядел на неё, и она покраснела.

— Тебе нравится Кудя? — вдруг спросила она.

— Какой Кудя?

— Ну, Кудинов?

— Я не знаю, кто это, — сказал я.

Рыбкина сделала ужасно огромные глаза.

— Ты серьёзно? — спросила она.

— Вполне.

— Это же твой сосед по парте.

Она смотрела на меня, как на ненормального.

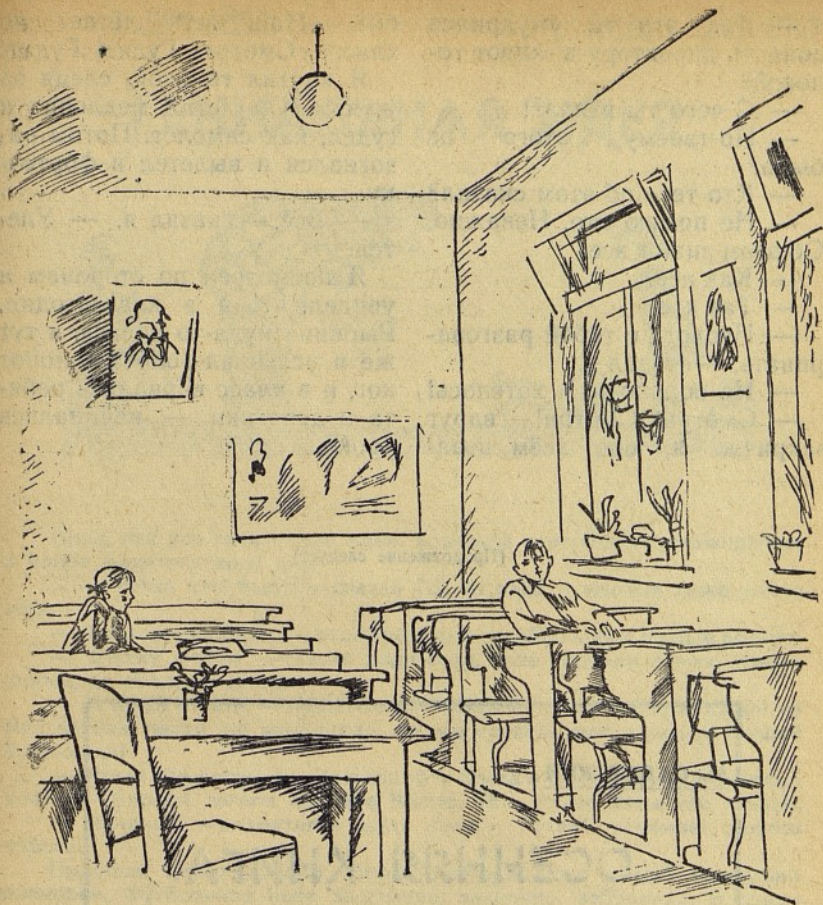
— А-а, — сказал я. — Сосед. Он вроде ничего.

— Он лучше всех в классе танцует, — сказала она. — А учится хуже всех. Круглый троечник и «двойки» бывают. Ты смотри осторожно с ним.

— А что такое? — сказал я. Мне не понравилось, что она ябедничает.

— Он знаешь что за члове-
чек? Выкинет на уроке какой-
нибудь номер, а сам сидит как
ни в чём не бывало и всегда
влетает не ему, а соседу по
парте. Я знаю, я с ним сидела
в прошлом году.

«Она желает мне добра», — подумал я.

— А ты не знаешь, как эту девочку зовут? — спросил я. — Она от нас через класс учится.

— Какую девочку? — спросила Рыбкина. — Там много девочек.

— Ну, такая... красивая... симпатичная, — сказал я. — У неё ещё волосы вот так. — И я показал.

— Тебе нравится эта девочка? — спросила она.

— Она ничего себе, — сказал я.

— Она тебе просто нравится или очень?

— Не знаю, — сказал я. — Она вообще-то ничего себе. Как её зовут?

— Я не знаю этой девочки, — сказала Рыбкина.

— Что же ты спрашиваешь, очень она мне нравится или нет?

— Не знаю я никакой девочки, — сказала Рыбкина.

Она не глядела на меня. Потом спросила:

— Как это ты умудрился
попасть директору в живот го-
ловой?

— С чего ты взяла?!

— По-твоему, этого не
было?

— Кто тебе об этом сказал?

— Не помню кто. Неважно.
Об этом знают все.

— Как все?

— Так все!

— Неохота с тобой разгова-
ривать, — сказал я.

— Не больно-то и хотелось!

— Смотри! Смотри! — вдруг
закричал я, обо всём поза-

быв. — Наш жук летает по
классу. Смотри! Гудит! Гудит!

Я крутил головой, следя за
жуком. Он летал медленно и
гудел, как самолёт. Потом ра-
зогнался и вылетел в форточ-
ку.

— Всё, — сказал я. — Уле-
тел.

Я посмотрел по сторонам и
увидел, что я в классе один,
Рыбкина куда-то делась, и тут
же я услышал голоса и топот
ног, и в класс ворвались ребя-
та и девчонки — начинались
уроки.

(Продолжение следует)

М. САДОВСКИЙ

ОСЕННЯЯ КНИГА

*Ветер осени листает
Пожелтевшие листы,
Книгу древнюю читает
Нараспев до хрипоты.*

*То разложит все страницы,
То взъерошит, зашуршит,
И летят листы, как птицы,
Долго каждый лист кружит.
То любит узор,
То возьмётся вновь листать, —
Хоть читает ветер скоро,
Век ему не дочитать!..*

ГЕНИАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Идея, как все гениальные идеи, возникла совершенно неожиданно, в конце родительского дня.

... — Разве так бьют? — сказал Гошин папа и пробил тоже мимо ворот.

— Так тоже не бьют, — отомстил Гоша и забил мяч в пустые ворота.

— Держу любые, — сказал дядя Витя, папа пионера Алика, центрфорварда сборной лагеря.

— А ну-ка откати, — повелительно закричал дядя Коля, который не был ничьим папой, но зато играл, по его словам, еще с самим Мишей Бутусовым!

— Разве так держат? — сказала тётя Клава и подтолкнула к воротам вратаря сборной лагеря пионера Костю. Тётя Клава была его мамой.

— Ну-ну-ну! — возмутился дядя Витя. — Пускай занимает другие ворота.

Подошли центрфорвард сборной лагеря Алик и ещё несколько пионеров. Футбольное поле зашумело, закипело, забурлило. И среди этого шума и кутерьмы раздался вдруг звонкий пионерский голос:

— А не сыграть ли нам с родителями?

Это и была та идея, которую все единогласно признали гениальной.

Игра началась в быстром темпе, который усердно пыталась сбить команда родителей. Гошин папа всё время старался отдать мяч назад, дяде Вите, а дядя Витя подолгу ударял мяч о землю и только потом выбивал его в поле. В ответ на это левая трибуна (болельщики-пионеры) возмущённо кричала и свистела, а правая трибуна (болельщики-родители) сдержанно хихикала.

Центрфорвард сборной лагеря Алик очень быстро сообразил, где можно поживиться. И в один из моментов, когда Гошин папа откинул мяч назад, Алик перехватил передачу, обвёл своего папу и забил мяч в пустые ворота. Левая трибуна (болельщики-пионеры) ликовала. Правая трибуна (болельщики-родители) снисходительно улыбалась.

— Вперёд! Давайте вперёд! — кипятился дядя Коля. — Чего вы там торчите?

И родители кинулись вперёд. Гошин папа подхватил мяч, ловко прошёл по краю и дал хороший пас дяде Коле, а тот забил мяч... на макушку сосны.

— Не на то место попало, — оправдывался дядя Коля и грустно глядел на свою правую ногу.

— Не увлекайтесь, не увлекайтесь, — умолял дядя Витя. — Где защита?

Но защиты не было. Все игроки команды родителей ушли в нападение, бросив свои ворота на произвол судьбы. И когда Алик и Гоша вышли вдвоём к воротам родителей, им не составило труда обыграть дядю Витю, который метался в воротах из угла в угол, точно тигр в клетке.

2:0. Левая трибуна (болельщики-пионеры) прямо вся прыгала и визжала от восторга. Правая трибуна (болельщики-родители) обеспокоенно заскандировала: «Шай-бу! Шай-бу!»

— Ничего, ничего, — подбадривал своих дядя Коля. — Сейчас забьём.

Он носился по всему полю. Отбирал мяч и у чужих и у своих и лупил что есть силы.

— Не на то место попало, — охотно объяснял дядя Коля, когда его спрашивали, куда же он бьёт.

— «Не на то место», — язвили некоторые родители, — а ещё с Бутусовым играл.

Пока на поле разворачивались все эти события, один игрок из команды родителей ползал на коленках у самого углового флага. Окажется, после первого же удара он потерял очки и теперь пытался их отыскать. Очки были найдены общими усилиями обеих команд, и родитель в очках вместе с Гошиным папой и ещё двумя родителями оттянулись в защиту.

— Давно бы так, — радовался дядя Витя, бегая из угла в угол своих ворот.

Укрепив оборону, команда родителей бросилась вперёд.

— Верхом бейте, верхом, — призывал своих дядя Коля, сам уверенно обстреливая верхушку сосны.

Однако родители-нападающие почему-то били только низом, а низовые удары вратарь сборной лагеря пионер Костя брал совершенно спокойно.

— Я, я пробью, — заволновался дядя Коля, когда вблизи ворот пионеров назначили штрафной.

Но пока из пионеров строилась стенка и дядя Коля целился, Гошин папа разбежался и ударил. Мяч влетел точно в верхний угол ворот. Костя здесь ничего не мог поделать. И правая трибуна (болельщики-родители) вмиг взорвалась. Даже далёкие от футбола мамы, поддавшись общему настроению, голосили почём зря, хотя весьма туманно представляли, что же произошло.

Одна только тётя Клава, мама пионера Кости, была категорически не согласна с решением судьи.

— На мыло судью, на мыло! — одиноко вопила она. Но рёв на трибуне не позволил ей довести свой протест до широких масс болельщиков.

Второй тайм этой захватывающей игры был совсем не похож на первый. Дядя Коля уже не носился по всему полю, он даже совсем не бегал, а стоял на месте и был в состоянии только отбивать мячи, которые шли непосредственно на него. Родитель, который играл в очках, оказался в конце концов без очков, потому что их разбили. И его вместе с ещё одним очень уставшим родителем пришлось заменить. Замену производили, как в хоккее с шайбой, не останавливая игры. «Свежие» родители внесли в игру свежую струю. Они никак не могли устоять на месте: ноги так и несли их вперёд, в нападение.

— Пусть, пусть, — поддерживал новых игроков Гошин папа. — Может, забьют.

И действительно, один «свежий» родитель очень точно срезал мяч в ворота пионера Кости. Но только этот гол уже ничего не решал. Алик и Гоша во втором тайме играли буквально как заводные и забили три мяча в ворота дяди Вити, причём один прямо с углового.

— Это надо же, — поражался дядя Коля.

— Такой большой ветер, — сконфуженно намекал дядя Витя.

...После окончания игры обе трибуны дружно двинулись на футбольное поле.

— Качать их, качать! — кричали родители и ловили пионеров.

В это время дядя Коля, окружённый болельщиками, рассказывал им, что мяч никак не хотел попасть на то место, на которое хотелось дяде Коле.

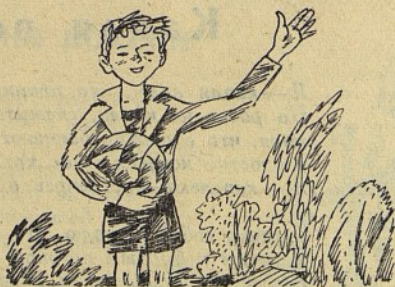
Алик и Гоша охотно давали интервью редактору лагерной стенгазеты.

Дядя Витя, ни к кому не обращаясь, громко сетовал на ветер. По его словам выходило: если б не это стихийное бедствие, он наверняка вышел бы из игры сухим.

...Спортивный комментатор, который на этом матче не присутствовал, отозвался бы о нем так: игра была темпераментной и острой и не вышла за рамки правил только потому, что этому усиленно мешал судья.

Политический обозреватель, которому не приходится комментировать футбольные матчи, оценивая игру, отметил бы: встреча прошла в теплой, дружеской обстановке.

И оба эти мнения оказались бы верными, если не считать огромной шишки от удара о штангу на лбу у дяди Вити и моральной травмы дяди Коли, так и не сумевшего поддержать славу Михаила Бутусова. Но в этом уже никто не виноват.

Сердце гор

Задумалась гора — во власти сна,
ушелье всё таинственней впотьмах,
и прилегла на облачко луна,
и ветерок давно затих в кустах...
Лишь бьёт родник — певуч, упрям
и скор, —
живой водою орошая склон...
А может, это просто сердце гор,
не знающее, что такое сон?

Усталость

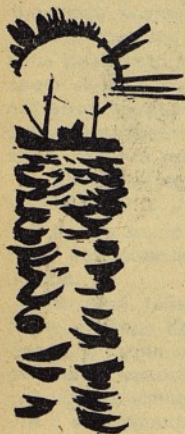
С крутой тропинкой в горы ты знаком?
Коль не знаком, лентяй, — пройдишь-ка малость!
И пусть ни разу не шагал пешком, —
ты вдруг поймёшь, как хороша усталость...

Капля воды

Я — капля воды, что покинула горный родник.
Но разве не капли, скажите, моря образуют —
моря, что спокойно баюкают солнечный лик
и яростно мечутся в час, когда штормы бушуют?
Я — капелька — встречу в пути с небольшим
ручейком
и речку собой оживлю, что плетётся устало,
могучим и бурным потоком я стану потом,
способным крушить на дороге возникшие
скалы...

Но если мне даже до рек и морей не дойти
и там — в середине пути — я иссякну однажды,
навряд ли я стану жалеть о недолгом пути,
коль чью-нибудь я утолю воспалённую жажду!

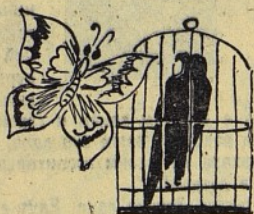

Пчела

В недвижный день, где тишина
спала
и где цветы тайком копили силу,
вдруг залетела первая пчела —
и всю природу разом пробудила!

Пленный сокол

Вот бабочка. Порхает невысоко.
Движенья лёгкие: в них силы нет.
Но через прутья клетки пленный
сокол
с тоскливой жадностью глядит ей
вслед...

Горная река

— Куда бежишь ты, горная река?
Зачем ущелье покидаешь ты?
Ужель тебе чужда и далека
Жизнь наших гор — обитель
красоты?
— Не изменила я родным горам,
ещё вернусь в отчизну я свою:
я буду током течь по проводам
и ваши сакли светом я залью!

Не стану на колени

Да, стоя на коленях, глух и нем,
я по врагу стрелял в пылу
сражений,
но больше никогда ни перед кем
я ни за что не стану на колени!
Да, каска с головы моей порой
слетала вдруг, когда гремели
залпы,
но больше в мире силы нет такой,
перед которой шапку я снимал бы!

Перевёл с лакского Игорь МИХАЙЛОВ.

Рис. В. Адаева

В 1965 ГОДУ вышла первая книжка писательницы Жанны Александровны Браун — «Компас». Весёлые, задорные ребята населяли её страницы. Не менее интересными, выдумщиками и заводилами, оказались и герои следующей книги «Хозяева старой пещеры».

А вот следующая книжка писательницы — «Юта Бондаровская» — оказалась совсем другой. В ней впервые в творчестве Ж. Браун зазвучала тема войны. Зазвучала и увлекла автора. Новая книжка — «Зорькина песня», которую только что закончила Ж. Браун, также повествует о тех далёких, тревожных годах. В ней нет боевых эпизодов, схваток с врагом, но есть суровая обстановка первых лет войны, есть ребята, едущие далеко-далеко в эвакуацию.

Едет с детским домом и героиня повести Зорька Будницкая. Ещё так недавно мирно и радостно жила она дома, с мамой, с папой, с бабушкой... Но грянула война. Мама уехала со своим госпиталем. Папа ушёл на фронт. Едва успел он устроить Зорьку в детдом!..

И осталась Зорька одна. Едут с ней в теплушках незнакомые девочки. Хорошие и не очень. Добрые и хитрые. Разные. Едут с детьми взрослые. Тоже незнакомые и разные. Едут куда-то на восток, в Казахстан, и никому не известно, что их ждёт впереди...

Сегодня мы публикуем несколько отрывков из «Зорькиной песни». Целиком повесть скоро выходит в издательстве «Детская литература».

Жанна БРАУН

Рисунки П. Вискова

Эшелон идёт на Восток

УВИДЕВ Зорьку, Даша поставила на землю ведро с ложками и побежала навстречу.

— Зоренька, где ты пропала? Я так испугалась!

— Ничего, на этот раз пронесло, — солидно сказала Зорька, — видела, как фашиста подбили? Жалко, что девчонок на фронт не берут, я бы им показала!

Даша виновато улыбнулась.

— Ты храбрая, Зоренька, а я, как услышу самолёт, так прямо вся холодная делаюсь...

всё кажется, что опять бомба... а тут тебя ещё нет, я боялась, всё думала, куда ты пропала... Идём скорее, Вера Ивановна сердится, ей Наташка наябедала, говорит послала за тарелками, а ты пропала.

Староста группы, Наташа Доможир, стояла на ящике возле вагона, как на трибуне, и командовала погрузкой.

— Это сюда, — чуть растягивая слова, тонким голосом распоряжалась она, — а это... Генька, ну куда ты кладёшь? Сказано тебе — на верхние...

Анка Чистова! Вот тумба неповоротливая, быстрее, быстрее! Эй, Лапочка, ведра на стенку вешай, слепая, что ли? Маря гвоздей набила, а она на пол ставит! Зорька, где ты пропала? Тебя только за смертью посылать! Просто безобразие, не могу же я одна за всем уследить!

— А ты не следи, ты работай! — насмешливо сказал Генька, забрасывая в вагон подушки. От подушек во все стороны летел пух. Наташа даже бровью не повела. Станет она обращать внимание на всякого. Только аккуратно стряхнула пушинки с рукава курточки.

Мимо вагона, припадая на больную ногу, прошёл Кузьмин с полным военным в распахнутой шинели. Окинув довольным взглядом убывающие прямо на глазах груды вещей, Кузьмин крикнул:

— Молодцы! Вот что значит дружно взялись! Наташенька, как старосте, объявляю тебе благодарность!

Наташа ехидно посмотрела на Геньку и подбоченилась.

— Быстрее, быстрее! Чистова Анка, что ты копаешься?

Анка Чистова — кубышка с толстыми крендельками косичек вокруг ушей — подняла к Наташе скуластое лицо с приплюснутым широким носом.

— Что ты всё время кричишь? — осуждающе сказала она низким голосом. — Взяла бы и помогла. Языком-то легче, чем руками благодарности зарабатывать.

— Что-о?! — словно не веря своим ушам, протянула оторопевшая Наташа. Она спрыгнула на землю и подошла вплотную к Анке. Голубые кукольные глаза её потемнели, сузились. Пухлые губы собра-

лись в твёрдый комок. — Повтори, что ты сказала?!

— Что слышала. Противно смотреть, как ты из кожи перед Крагой вылезаешь.

Девчонки мгновенно побросали вещи и взволнованно окружили ссорившихся.

— И правда, орёт и орёт!

— Думает, если староста, так лучше всех!

— Ой, что будет! — пискнули за спиной Зорьки. Она оглянулась. Белобрысая девчонка Нинка даже привстала на цыпочки, вытянув лицо вверх, словно нюхала воздух.

Наташа побледнела.

— Что вы, девочки... — испуганно оглядываясь, заговорила она, — я же староста... старосте положено командовать...

От вагона мальчишек уже бежала Вера Ивановна.

— Что... что случилось?

Девочки молчали, смущённо поглядывая на воспитательницу. Убедившись, видимо, что все целы и здоровы, Вера Ивановна вытерла носовым платком лоб и веки под очками.

Зорька удивлённо смотрела на девочек. Почему они молчат?

— Всё в порядке, Верванна! — непринуждённо нарушила затянувшееся молчание Галка, подняла с земли кипу перетянутых верёвкой одеял и потащила в вагон. За нею двинулись и другие девочки.

— Подождите, — вдруг сказала Вера Ивановна. — Я вижу, вы не доверяете мне... Но я всегда считала, что не верят человеку только тогда, когда

он уже в чём-то обманул доверие...

— Верванна, зачем вы так? — расстроено сказала Даша. — Мы вам верим!

Вера Ивановна грустно усмехнулась.

— Спасибо, Даша. Вы не хотите объяснить мне причину ссоры... Может быть, это и правильно. Наверное, вы и сами сумеете разобраться, что к чему. Я только хочу сказать вам: я старше вас, девочки, опытнее и, наверное, знаю о жизни много такого, что вам ещё неизвестно. Я не знаю, о чём вы сейчас спорили, что у вас произошло, я просто хочу сказать — будьте справедливы друг к другу, ведь обидеть человека, причинить ему боль очень легко...

— Верванна, — сказала Даша, сосредоточенно разглядывая на своих пальцах ногти, — разве это справедливо, когда один человек только командует и кричит на всех, а другие за него работают?

— Думаю, что несправедливо.

— А если этот человек тайком бегаёт к... воспитателю и доносит на всех? Как к такому человеку надо отнестись?

— Бреешь! — возмущённо крикнула Галка. — Наташка не такая!

— Такая, — спокойно, не опуская глаз, сказала Даша.

Вера Ивановна сняла очки, начала медленно протирать стекла носовым платком. Девочки напряжённо следили за каждым её движением.

— Ты хочешь знать моё

мнение, Даша? — наконец сказала Вера Ивановна. — Я бы такому человеку не подала руки.

ТРЕВОЖНАЯ душная ночь заполнила теплушку. Придавила, уменьшила её до того, что, казалось, некуда протянуть руку.

На соседнем пути залязгали буфера. Насторожённо пробуя рельсы, отстучали колёса. Послышались приглушённые голоса. По потолку теплушки побежали длинные бледные полосы света.

Эшелоны оживали для ночной тяжёлой работы.

Зорьке надоело лежать молча. Движение на соседнем пути рассеяло тревогу. Раз эшелоны уходят, значит, всё хорошо. Она повернулась на бок и прислушалась, спит ли Даша. Даша дышала часто, с присвистом, словно ей не хватало воздуха.

— Ты зачем так дышишь? — шёпотом спросила Зорька.

— Пить хочется, — не сразу отозвалась Даша. Она нащупала в темноте Зорькину руку, — жарко здесь...

Рука Даши была горячая и влажная. Зорька встревожилась.

— Ой, да у тебя настоящая температура! Жалко, градусника нет, а то бы сейчас измерили. Что же теперь делать?

— Пройдёт, — сказала Даша, — ты лучше расскажи что-нибудь, а то темно... Они к нам ночью всегда прилетали. И в тот раз тоже ночью...

Зорька обняла Дашу.

— А ты не думай про это. Я всегда про страшное не думаю. Бабушка говорит, если всё время думать о плохом, тогда и жить нельзя.

За Дашиной спиной шевельнулась Нинка Лапина.

— Я тоже про страшное не хочу думать, а оно само думается. Мы с мамой по дороге шли и ещё много людей шло, а он как начал, как начал из пулемёта строчить... прямо по нам.

— Не надо, Лапочка, — попросила Даша. — Пить хочется... Хоть глоточек...

— Сейчас принесу, — с готовностью отозвалась Зорька.

— Где ты возьмёшь? В титане кипятка, Маря только недавно налила.

— На станцию сбегаю.

— Ой, не ходи, — тревожно сказала Даша, — вдруг поедём?

— Успею. Я быстро.

— Зоренька, только ты ни-

кому не говори про меня, ладно? А то меня в санитарный унесут...

— Вот глупая какая! — искренне удивилась Зорька. — Там же лучше в сто раз.

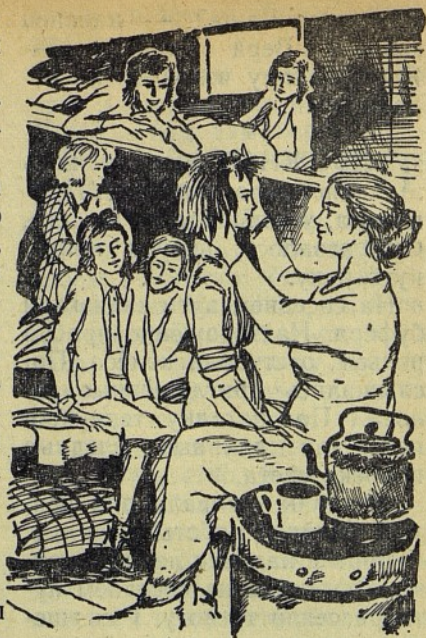
Совсем не так представляла Зорька своё путешествие по железной дороге. Она думала, что будет ехать в длинном красивом вагоне с мягкими диванами и зеркалами на стенках, как в кино. А их запихнули в какие-то деревянные домики на колёсах. Товарные вагоны. Теплушки. По бокам теплушки деревянные нары, а на самой середине круглая печка-«буржуйка» на ножках-раскоряках. Смех, а не путешествие! Вот бы Зорьке заболеть вместо Даши, уж она бы обязательно перешла в санитарный вагон.

Зорька слезла с нар, взяла с титана кружку, прыгнула на насыпь.

Мимо Зорьки, не заметив её в темноте, пробежали Вера Ивановна и Мария. Дверь теплушки натужно проскрипела и плотно захлопнулась.

Перескакивая через рельсы, Зорька помчалась к питьевой колонке. Быстро подставила кружку под тугую струю. Холодные брызги окатили подол платья. Зорька начала выкручивать подол, и в это время за её спиной раздался скрежет. Поезд медленно тронулся. Схватив кружку, Зорька бросилась к поезду.

Безмолвные, как тени, без единой полоски света, проплывали мимо неё вагоны. Всё быстрее, быстрее... До дверей теп-

лушки высоко, не дотянуться... Зорька бежала вдоль поезда отчаянно размахивая кружкой. Мокрое платье больно стегало по ногам.

Рядом с нею поравнялся санитарный вагон. На низких ступеньках стояла женщина в белом халате и красноармеец. Зорька что есть силы рванулась к подножке вагона.

— Я отстала-а-а-а! Возьмите-е-е-е!

— Никак детдомовка! — крикнул красноармеец. Он быстро нагнулся, подхватил Зорьку и втащил на ступеньки. Зорька цепко ухватилась за поручни.

— Вот шкода! — резко проговорил красноармеец, втаскивая Зорьку в тамбур. — Отстала бы и сгинула як щеня!

— Сироты, — горько сказала женщина. — Одно слово сироты...

Зорька прижала пустую кружку к мокрому животу и заплакала. Там, позади, остались бабушка, отец, мать... теперь никого из них нет рядом. Она одна. Одна на всём свете... сирота. Зорька заплакала ещё сильнее.

— И неправда, я не сирота! У меня есть мама! И папа! И бабушка! И... — шептала она.

Женщина склонилась к Зорьке.

— Где же твоя мама? — спросила она.

— На фронте... она хирург. Папа приехал на один день с войны на машине и увёз меня в детский дом. А бабушка осталась с тётей Пашей, она ещё с гражданской больная лежит...

Слёзы полились с новой силой.

— Вот как...—Женщина выпрямилась. Постояла минуту неподвижно. Потом нагнулась, подняла Зорьку на руки и понесла в вагон. — Ладно, не плачь. Догоним ваш поезд. Скоро опять со своими будешь...

Зорька ещё раз всхлипнула, судорожно перевела дыхание и, крепко обняв женщину за мягкую, нежную, как у мамы, шею, закрыла глаза.

МАРЯ в спортивной майке и лыжных шароварах шагала по вагону вокруг печки, как на физкультурном параде и

колотила поварёшкой по кастрюле.

— А ну, подъём! Подъём! — выкрикивала она. — Вставайте, девоньки, сейчас стоянка начнётся, кипяточку наберём!

Никому вставать не хотелось. Утро ещё только заглянуло в маленькое оконце под потолком.

Да и зачем?

— Опять сухарики жевать! — пробурчала Наташа. — Надоело!

Маря перестала стучать. Пригорюнилась.

— И то правда... А что делать, если продукты кончились?

— На станции требовать. Мы дети, нам всё лучшее положено давать!

Галка уселась на нарах, свесила ноги в рваных чулках.

— Точно! — хриплым со сна голосом сказала она. Откашлялась и добавила солидно: — Дети — цветы жизни.

— Тю на тебя! — Маря вся заколыхалась от смеха. Грохнула кастрюлю на печку. — Колючка ты нечёсаная, а не цветок. Парни сами себе рубашки стирают, а ты чулок зашить не можешь и ещё требуешь.

Она шагнула к нарам, схватила Наташу за руку, стянула на пол.

— Маря, ты что?! — Наташа трепыхалась в сильных Мариных руках, как рыба в садке.

— Ничого, ничего... — приговаривая, Маря подтащила Наташу к рукомойнику, ловко вымыла ей лицо, уши. Растёр-

ла щёки полотенцем. На фарфоровом лице Наташи появился румянец. Чистый нос блестел.

Маря, пыхтя, уселась на ящик, зажала Наташу коленями, чтоб не удрала. Вытащила из своих волос круглую щербатую гребёнку.

— Ишь как волосы сваялись... Лодырка ты, Наталья, бисова дочь. Не дам таким гарным волосикам пропасть!

Девочки с интересом смотрели, как Маря расправляется с Наташей, и хихикали.

— А ну цыть! — Маря пригрозила им гребёнкой. — Сейчас до вас доберусь!

Зорька достала из-под подушки огрызок сухаря, откусила половину.

— Даша, вставай!

Даша повернулась к Зорьке лицом, открыла глаза.

— Погрызи. Вкусно!

Даша равнодушно посмотрела на сухарь. Покачала головой.

— У меня под подушкой целых два... Возьми себе.

— А ты?

— Я спать хочу.

— Не спи, а то Маря тебя сейчас, как Наташку, умоет. — Зорька села, обхватила колени руками и засмеялась, глянув вниз. Наташка стояла возле печки и обстригала ногти на пальцах. Расчёсанные кудри лежали ровными волнами на острых треугольных лопатках. А возле рукомойника уже вертелась и взвизгивала от холодной воды и Мариных шлепков Галка.

Даша улыбнулась, про-

зрачная кожа собралась возле тонких сухих губ морщинками.

— А ты насильно поешь! — сказала Зорька. — Ну я тебя очень прошу, ну будь человеком, пожалуйста. А то я сейчас Марю позову, она за Верой Ивановной к мальчишкам сбегает.

Даша испуганно подняла голову.

— Не надо... Ты же обещала никому не говорить. Я не хочу в больнице оставаться. Не скажешь?

— Ни за что! — сказала Зорька.

Четырёх девочек уже сдали по дороге в больницу.

Даша успокоенно легла. Натянула одеяло до подбородка. Поёжилась.

— Сначала жарко было, а теперь холодно, — виновато сказала она. — Молока так хочется... Мама мне всегда утром молоко давала. Каждое утро...

— **Б**ЫСТРЕЕ, быстрее, девоньки, — торопила Маря, снимая с гвоздей на стене теплушки ведра и чайники, — мальчишки вона уже где!

Поезд стоял на маленькой степной станции.

Зорька взяла чайник и выпрыгнула из вагона. Вдоль насыпи росли кое-где чахлые ромашки, а возле станции в палисаднике пышным осенним цветом распустились георгины.

«Наберу кипятку и потом целый букет Даше нарву, вот обрадуется. Может, и болеть перестанет», — подумала

Зорька и, размахивая чайником, понеслась к станции.

ЗОРЬКА стояла возле водокачки на свежееотёсанном бревне. Бревно было гладким, тёплым и липло к босым ногам. На срезе его желтели янтарные слезинки.

По другую сторону водокачки шумел базар. Здесь жили сытые запахи.

Зорька смотрела на молоко, как заворожённая.

На всех станциях были базары. И на каждой станции Зорька крутилась возле прилавков, рискуя отстать.

Даша слабела. Зорька с тру-

дом заставляла её выпить кружку подсахаренного кипятка и съесть размоченный в горячей воде сухарь.

— Что это Даши не слышно? — один раз спросила Маря.

Соседка по нарам Нинка — девчонка робкая и тихая — открыла было рот, но Зорька угрозила ей кулаком. Нинка испуганно закрыла рот и юркнула под одеяло.

— Спит она, — сказала Зорька, замирая от страха, вдруг Маря сейчас полезет к ним наверх. Но Маря не полезла. Только удивилась:

— Це ж надо, всю дорогу спать...

Даша тревожно прислушивалась к разговору.

— Я скоро поправлюсь, Зоренька, — зашептала она, — вот увидишь... мне бы молока... белого...

«Молока, молока», — в отчаянии теперь думала Зорька, разглядывая неповоротливую

тётку с бидоном. Хоть немножко молока. Попросить? Нет, не даст. На прошлой остановке Зорька решилась, попросила у самой говорливой и, как ей показалось, доброй женщины, но женщина почему-то рассердилась на неё, закричала: «Много вас таких найдётся!»

Маленький красноармеец в помятой линиялой гимнастёрке подошёл к прилавку. Принюхался.

— Духмяно! — не то радостно, не то удивлённо сказал он. — А ну-ка налей!

Тётка молча отстранила протянутый котелок, потёрла большой палец об указательный.

— Да заплачу, не бойся, — обиделся красноармеец. Торопливо полез в карман, достал пачку денег и, отсчитав, протянул тётке несколько аккуратно сложенных бумажек.

— Лей! — приказал он, подставляя котелок.

Тётка, не спеша пересчитав деньги, покачала головой из стороны в сторону и показала красноармейцу два пальца.

Зорька спрыгнула с брёвен и подошла ближе. Странная какая-то тётка. Может, она немая? Немых торговки Зорька ещё не встречала.

— Да ты что? — рассердился красноармеец. — Втридорога дерёшь? Пользуешься военным временем? Спекулянтка!

У тётки лицо стало злым. Она подалась вперёд, навалилась грудью на бидон. Руками упёрлась в прилавок, выставив в сторону сухие, как палки, локти.

— Ты шо меня позоришь, змей! — басом сказала она. — Окопался в тылу, а моего мужика в первые дни война съела! Ты, что ли, теперь моих детей кормить будешь?

Красноармеец отступил на шаг, расправил гимнастёрку.

— Ну, ну, — примирительно сказал он, — чего орёшь? Я сам, может, дважды раненный.

Тётка выпрямилась, поправила сбившийся платок и наполнила котелок молоком. До краёв.

— Пей, дважды раненный, — хмуро сказала она и всхлипнула, — всю душу растравил, змей, чтоб тебе здоровым домой вернуться!

— Чудная ты, — сказал красноармеец, пятясь и чуть не наступил на Зорьку. — Тьфу! — в сердцах сказал он. — Чуть девчонку из-за тебя не раздавил.

Тётка опустила обиженные глаза на Зорьку:

— Тебе что надо?

Зорька молча переминалась с ноги на ногу.

— Известно что, — сказала другая тётка, возле которой на полотенце громоздилась гора круглых румяных лепёшек, и зевнула, мелко крестя рот. — Шпаны этой теперь развелось, не приведи господи, того и гляди обокрадут... А ну иди отсюда, иди, иди!

Зорька отбежала в сторону, но совсем уйти не могла. Бидон с молоком притягивал её к себе, как магнит.

— Откуда ты? — спросила хмурая тётка.

— Из детдома, — прошептала Зорька.

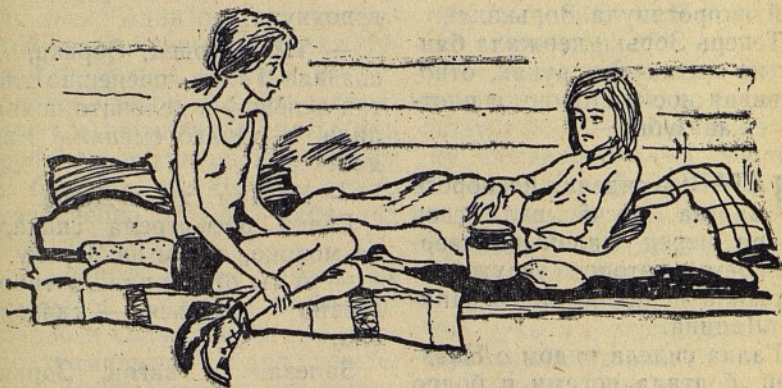
— Эх, и торговля у меня сегодня прибыльная! — неприязненно глядя на Зорьку, сказала тётка, — небось и посуды нет?

— Нет... — виновато сказала Зорька.

Тётка вздохнула, вытащила из-под прилавка пол-литровую стеклянную банку, подула в неё, обтёрла юбкой и плеснула в банку немного молока.

Близкий запах молока зашекотал нос, ударил в голову тёплым, парным духом. Зорька сжала губы, зажмурилась и торопливо отхлебнула один глоток, потом ещё и ещё, жалея стекавшие по краям банки белые капли.

«Даша теперь поправится», — подумала Зорька и вдруг внутри у неё похолодело. Молока в банке не было. Зорька растерянно встряхнула банку. Отчаяние охватило её с

— Держи!

— Да ты что, Клавдия, весь свет накормить вздумала? — возмущённо сказала тётка с лепёшками. — У самой дома мал мала по лавкам ползают! Богатейка какая!

— А-а, один чёрт! — махнув рукой, сердито сказала Клавдия и закричала басом на Зорьку: — Да бери же, кому говорят!

Зорька схватила банку, прижала её к груди.

— С-спасибо...

удвоенной силой, словно кто-то чужой отнял у неё молоко. Что же теперь делать? Она должна принести Даше молока... Должна!

Зорька поставила банку на землю, сняла с себя платье и протянула тётке. Хорошее платье, байковое. В голубую и коричневую клетку.

Тётка с лепёшками перехватила платье, помяла материал жадными пальцами.

— Сколько возьмёшь? Две лепёшки дам.

— Мне молока надо, — сказала Зорька.

Клавдия взяла платье, осмотрела его со всех сторон.

— Казённое?

— Да... мне ещё дадут, вы не думайте. — Зорька испугалась, что Клавдия откажется взять казённое платье. Но Клавдия сложила платье, сунула в мешок под прилавком.

— Дочке сгодится. Обносились вся. Давай банку. Зинаида, дай взаймы лепёшку, платье-то ничего, целое.

Она прикрыла банку лепёшкой и протянула Зорьке.

Теперь Зорька держала банку на вытянутых руках, отворачивая нос в сторону и плотно сжав зубы.

НАТАША сидела на пороге вагона, расчёсывала свои кудри перед маленьким зеркальцем, которое услужливо держала перед её лицом Нинка Лапина.

Галка сидела рядом с Наташей, болтала ногами и бодро выводила удалым голосом: «Ой, ты, мать моя родная, зачем на свет народила? Судьбой матросской награ...»

Увидев Зорьку, Галка обрывала песню на полуслове.

— Ого-го! — восхищённо завопила она. — Голая! Без платья!

— Где взяла? — спросила она, увидев лепёшку и молоко.

— На базаре, — охотно сказала Зорька, — там много... Мне тётка одна дала.

Нинка замерла. Она смотрела на молоко и лепёшку так,

точно не верила своим глазам.

— За платье. Я знаю, даром никто не даст! — убеждённо сказала Галка. Она прыгнула на землю и подошла к Зорьке.

— Будницкая, дай кусочек.

Зорька отломила кусок лепёшки. Пожалуйста, она не жадная.

Наташа ласково улыбнулась.

— Будницкая, а мне?

Зорька отломила и ей. Ничего, подумала она, ещё целая половина осталась.

Нинка только прерывисто вздохнула.

— Ты молодец, Зорька, — сказала Галка, поспешно глотая лепёшку и деловито похвалила. — Ловко сменяла! Ещё дай!

— Не дам. Это я Даше.

Галка посмотрела сначала на молоко, потом на Зорьку.

— А ты отчаянная... с тобой можно водиться, — сказала она.

Залезая в вагон, Зорька оглянулась и увидела Нинку. Она бежала к вагону в одних трусиках, прижимая к голому животу две большие лепёшки.

Зорька залезла на нары. Поставила банку с молоком на подушку перед Дашиным носом. Рядом кусок лепёшки. Даша приподняла голову. Похлопала глазами, наверное, решила, что всё это ей снится. Потом недоверчиво провела пальцем по краям банки.

— Правда, молоко, — удивлённо и радостно прошептала она, — белое... это... это мне?

Внизу послышался отчаянный писк Нинки:

— Не дам!.. Чего ты?! Сама иди меняй!

И негодующий голос Наташи:

— Жадина!

МАРЯ уселась на полу, возле открытой двери. Вытащила из-под нар узел с рваными платьями, рубашками, брюками, связкой разноцветных лоскутков. Достала из чемодана черные нитки, своё самое главное богатство. Пришив очередную латку, Маря некоторое время любовалась ею, склоняя голову то на один бок, то на другой, разглаживая латочку рукой на колене, и довольно щурилась. Потом вздыхала, складывала починенное платье или рубашку в аккуратную стопку и бралась за другое, что-то озабоченно бормоча себе под нос.

Крупный дождь хлынул из одинокой рыхлой тучи неожиданно и сильно. Казалось, кто-то громадный собрал дождевые струи в пучок, как веник, и начал хлестать по крыше и стенам вагона. Свежий ветер заполнил теплушку.

Девчонки слезли с нар. Уселись кружком возле Мари.

— А шо, дивчатки, заспиаемо? — предложила Маря, любуясь очередной заплаткой, и, не дожидаясь ответа, повела высоко и грустно:

— Сто-о-о-и-ить гора-а

вы-со-о-окая,

А-а пи-ид горо-ою га-а-й...

Марин голос, казалось, застыл на одной светлой печальной ноте.

Девчонки притихли, нахох-

лились, замороженные песней. Маря оборвала песню, закрыла лицо руками и всхлипнула.

— Украина моя... увижу ли я тебя снова?

Аня присела рядом с нею, обняла, припала головой к Мариному плечу. Кто-то из девчонок тоненько заплакал. У Зорьки защемило в носу. Она обняла Дашу и тоже заплакала.

Галка подняла голову, перевернулась на живот, ударила кулаком по краю настила.

— Гитлерюка проклятый! — крикнула она. — Поймать бы его, паразита!

— А я бы, — Зорька всхлипнула, вытерла подолом платья нос, — я бы его в клетку посадила и — в зоопарк. Правда, Даша?

— Думает, ему так всё и пройдет, — сказала Даша тихо. — Если бы я могла...

Она вытянула вперёд тонкие руки и с неожиданной силой сжала кулаки.

— Если бы я могла, — задыхаясь повторила она. — Я бы пошла на фронт и своими руками застрелила...

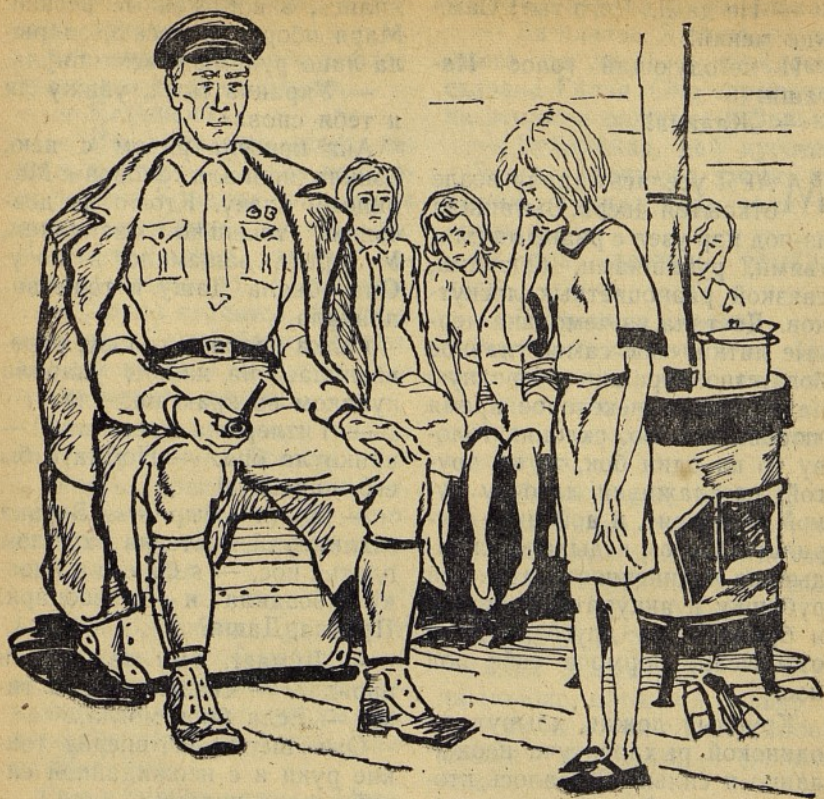
...Мимо вагона мелькали дома, глиняные заборы. Вдали зачернели полосы вспаханной земли. Поезд замедлил ход, дернулся и остановился.

Девчонки повалились друг на друга. Поднялась весёлая возня.

— Айда на станцию! — вскакивая, крикнула Галка.

— Добре, новости с фронта узнаем и кипяточку про запас наберём.

Маря поправила растрепав-

шуюся косу и сняла с гвоздя ведро. Девчонки начали спешно отряхиваться, приводить себя в порядок.

— Никто никуда не пойдёт, — спокойно сказала Наташа, — сейчас будет собрание.

Девчонки сначала опешили, потом недовольно заворчали. Дорожная жизнь и так не баловала развлечениями.

— Какое ещё собрание?!

— А что, мальчишки тоже придут?

— Степан Фёдорович придёт, — сказала Наташа.

При последних словах Наташи Нинку точно подбросило на месте. Она быстро вскарабкалась на нары и уселась рядом с Зорькой, свесив ноги в рваных парусиновых тапочках. Острое личико её побледнело, точно сразу ссохлось.

— Зоренька, — прошептала она встревоженно, — это про меня собрание.

— Про тебя? — удивилась Зорька. — Откуда ты знаешь?

— Чувствую.

В открытые двери теплушки, тяжело дыша, влезла Вера Ивановна. Одёрнула халат,

поправила очки и приветливо улыбнулась. Вслед за нею рывком внёс своё сильное, сухое тело Кузьмин.

— Степан Фёдорович! Веранна! — произнесла Наташа тонким голубым голосом. — Здравствуйте!

Она смотрела на старшего воспитателя с таким безграничным уважением, что Кузьмин невольно смутился.

— Здравствуй, здравствуй, Наташенька, — он ласково потрепал старосту по щёчке, затем окинул начальственным взглядом вагон и приложил выпрямленную ладонь к фуражке.

— Здравствуйте, дети!

— Здрав-ствуй-те!

Девочки рассаживались по краям нар, поджав под себя ноги, как куры на шестке. Зорька устроилась так, чтобы Дашу из-за её спины не было видно.

— Все здоровы? — гремел Кузьмин своим грубоватым решительным басом.

— Все! Все!

Маря суетливо вытащила из-под нар два чемодана, поставила их один на другой, обмахнула пыль фартуком.

— Сидайте, будь ласка, — сказала она приветливо, словно принимала гостей у себя дома.

Кузьмин опустил на чемодан всей тяжестью, расставив ноги в блестящих крагах, и принялся набивать трубку табак. На свежей гимнастёрке его сверкали, как ордена, значки «ГТО» и «БГТО».

Вера Ивановна прислони-

лась плечом к печке. Спрятала руки в карманы халата. Прикрыла глаза.

— Ну-с, так что же у нас с вами произошло? — спросил Кузьмин, набивая трубку табаком.

Наташа вышла на середину. Поправила волосы. Откашлялась.

— Сегодня мы должны обсудить ненормальные дела, — сказала она и вопросительно посмотрела на Кузьмина. Старший воспитатель важно кивнул.

— Ненормальные дела, — повторила Наташа и в упор взглянула на Нинку чистыми, правдивыми глазами. — Лапочка... — она запнулась, но тут же поправилась: — Лапина Нина, иди сюда. Мы, вся наша группа, требуем, чтобы ты встала и честно рассказала нам, как ты променяла казённое платье на лепёшки?

— Это когда же? — удивилась Маря.

Вера Ивановна вздрогнула. Было видно, что для неё это такая же новость, как и для Мари.

В вагоне воцарилось молчание. Девчонки смотрели не на Нину, а на Зорьку. Зорька невольно заёрзала, точно пыталась скинуть с себя хмурые взгляды. Галка вскочила на колени, подалась вперёд, к Наташе.

— Трепло, — выдохнула она сквозь плотно сжатые губы.

Наташа с минуту смотрела на подругу пристально, не мигая, затем перевела взгляд на

Кузьмина и улынулась ему ясной, открытой улыбкой.

— Лапина, — нетерпеливо сказал Кузьмин, барабани пальцами по набалдашнику палки, — мы ждём.

Нинка покорно слезла на пол.

— Ну-с, почему ты, собственно говоря, молчишь? — спросил Кузьмин, разглядывая Нину сквозь табачный дым, точно в микроскоп, прищуренными глазами.

— Я... я не знаю... что говорить, — растерянно пролепетала Нинка.

Зорька почувствовала, как тревожно и часто забилося сердце. Неужели Нинка проболтается? Неужели скажет?

Вера Ивановна положила руку на плечо Нине. Наклонилась к ней.

— Ниночка, ты живёшь в коллективе и поэтому должна отвечать за свои поступки. Ты понимаешь меня? Это... правда?

Нина опустила голову, шмыгнула носом. По щекам, нагоняя друг друга, покатились слёзы.

— Правда, — прошептала она.

— Ну, зачем... зачем ты это сделала?!

— Есть хотела, — прошептала Нина ещё тише.

Кузьмин стукнул палкой по полу так, что подпрыгнула кружка, прикованная к титану длинной ржавой цепью.

— Есть хотела? А я не хочу? А вот они не хотят? Сегодня ты есть захотела, а завтра... — он помолчал и доба-

вил с внезапной горечью: — Идёт война. Тяжёлая война! Люди отдают последнее фронту. А вы, вместо того чтобы, собственно говоря, сознательно и дисциплинированно ехать в глубокий тыл, воруете казённые вещи! Стыдно? Да, стыдно! Я прямо скажу — позор!

Кузьмин медленно, словно целясь, навел на Нинку палец.

— Давай, Нинка, не тани, признавайся! — весело крикнула Галка, словно радуясь развлечению.

— Верно, — поддержала её Анка, — чего уж там...

— От же наказание господне... — громким шёпотом проговорила Маря.

Нина прошептала что-то непослушными губами.

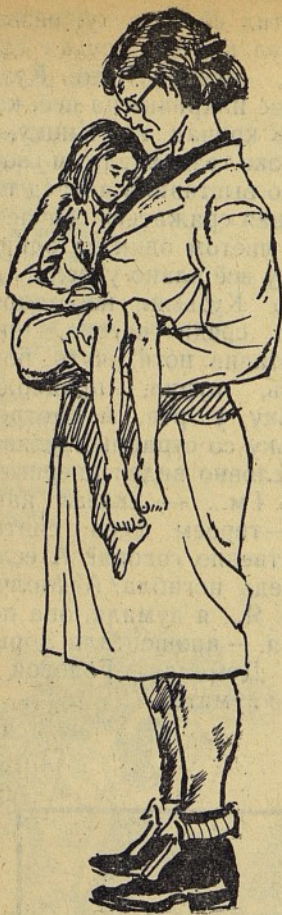
— Что? Не слышу. — Кузьмин посмотрел на часы и встал, нависая над Ниной. — Говори яснее. Стыдно? Твои подруги не ели эти грязные лепёшки, и они честно могут смотреть в глаза всем. Да! Всем!

— Я... Я тоже ела...

Даша старалась говорить спокойно, но голос её рвался от слабости. Обеими руками она упёрлась в края настила, чтобы не упасть. Худая, с тонким, почти прозрачным лицом и поэтому казавшаяся особенно беззащитной, Даша смотрела на Кузьмина расширенными глазами и твердила, как в бреду:

— Я... я тоже... ела... Нинка не одна... Она не виновата, если... если...

— Эт-то ещё что такое?! — удивился Кузьмин.

— Даша Лебедь, — подсказала Наташа.

Зорька в первую минуту растерялась, но потом опомнилась.

— Дашка! — испуганно закричала она. — Замолчи! Ну, чего ты лезешь!

Она схватила Дашу за плечи, толкнула в глубь нар, чтобы поскорее спрятать подругу от Кузьмина. Даша упала, по-

том поднялась снова, отталкивая от себя Зорькины руки.

В отчаянье Зорька соскочила на пол и закричала, прижимая к груди кулаки:

— Ну да, и я меняла! Можете наказывать! Мне всё равно!

— Прекрати истерику! — рявкнул Кузьмин. Отстранив Зорьку, он бросился к нарам. Но Кузьмина опередила Вера Ивановна. Опрокинув пустое ведро, она встала на него обеими ногами и осторожно сняла Дашу.

— Что с ней? — тревожно спросил сзади Кузьмин.

Воспитательница повернула к нему белое испуганное лицо. Она держала Дашу на руках, прижимая к груди, как маленького ребёнка.

— Не знаю...

— Ой, лышенько! — Маря всхлипнула, отёрла губы передником и набросилась на Зорьку: — Ты шо ж молчала? Я её спрашиваю, почему Даша не видно, а она говорит: Даша спит. Разве можно всю дорогу спать? Ой, горечко! Ой, лышенько...

— Маря! — гневно сказал Кузьмин, стукнув палкой по полу. — Собственно говоря, вам доверили детей!

Маря замолчала, со всхлипом втягивая в себя воздух.

— Степан Фёдорович, это всё Зорька, — быстро сказала Наташа, — знала и ничего мне не говорила. Просто безобразие. Не могу же я одна за всеми уследить!

Кузьмин скользнул взглядом по возмущённому лицу Ната-

ши. Озабоченно потёр лоб. Нахмурился.

— Срочно в больницу.

Даша заплакала. Обхватила руками шею воспитательницы.

— Не надо... Верванна, миленькая... не надо в больницу.

Кузьмин наклонился к Даше. Левое веко его задёргалось.

— Там тебе молоко будут давать, — мягко сказал он, — ну не плачь, поправишься, и мы за тобой приедем.

— Я здесь поправлюсь... мне Зорька молока принесла... за платье...

— Вера Ивановна, отнесите Лебедь в служебный вагон, — распорядился Кузьмин. — Мария, помогите воспитателю. В конце концов ночью будем на месте...

— Даша! — Зорька бросилась к подружке, но Кузьмин

схватил её за руку, резко повернул к себе. Зорька съёжилась, ожидая, что Кузьмин сейчас накричит на неё, как до этого кричал на Нинку. Она глубоко вздохнула и воинственно выставила вперёд плечо, готовая сражаться сейчас с целым светом один на один, раз Дашу всё равно унесли.

Но Кузьмин не закричал. Стал среди вагона, широко расставив ноги, чуть покачиваясь, курил, придерживая трубку у рта, и смотрел на Зорьку со странным удивлением, словно видел впервые.

— Гм... — сказал наконец он, — героем себя считаешь, собственно говоря? А если бы Лебедь погибла? А? Молчишь?

— Я... я думала, она поправится, — прошептала Зорька.

— Думала... Головой надо было думать...

Н. ЕГОРОВ

У Х А

В котелке уха ершится,

Петушится

Костерок.

Ложке рядом не лежится,

Так и лезет в котелок.

Месяц рыжий — нос картошкой,

Рот разинул до ушей,

Тоже хочет поварёшкой

Зачерпнуть моих ершей.

К Л Ю Е Т!

Что в речке?
Щука,
Лещ,
Судак.
А в челноке —
Сидит рыбак,
Но ни леща,
Ни судака
Ещё не выловил пока.
И нет ни щуки,
Ни ерша...
Река
Струится
Не спеша.
Челнок
Качается
Слегка.

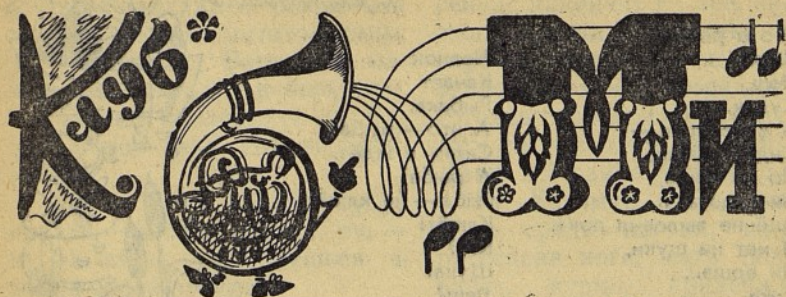
Челнок
Качает
Рыбака.
А что — рыбак?
Сидит и ждёт.
А рыба?
Рыба — не клюёт.
Клюёт!
Кто?
Щука?
Лещ?
Судак?
Не лещ,
Не щука —
Сам рыбак...
Носом клюёт.

Рис. А. Курушина

Беда мне с папой

Беда мне с папой, ох, беда:
Шалун, каких немного...
— А ну, иди скорей сюда, —
Сказал я папе строго. —
Какой позор!
Какой скандал!
Ты где так долго пропадал?!
— Гулял.
— А с кем?
— Да с кем всегда:
С художником Егором.
— По лужам, да?
По крышам, да?
И по чужим заборам?!
Ну почему, ну почему
Вы дела не найдёте?
Не понимаю: и чему
Вас учат на работе?
Вон как ты выпачкал костюм,
Как изувечил шляпу...
Когда возьмёшься ты за ум? —
Во сне
Спросил я
Папу...

— Добрый день, — прогудел Орган, открывая очередную встречу музыкальных инструментов.

А день и впрямь был прекрасный. И отчего бы ему не быть прекрасным в разгар лета. Окна концертного зала были открыты, слышался вкрадчивый шелест листвы и весьма незатейливое пение воробьёв, беспорядочно перебивающее мелодичное ворчание голубей, разгуливающих по асфальту.

И вдруг все услышали прекрасную трель, и полились певучие рулады. Инструменты боялись звук проронить, чтобы не прервать чарующий голос неведомой птицы. Но пение внезапно прекратилось.

— Можно было и лучше спеть, — сказала Флейта. — Я спела бы, но берегу голос. У меня ведь сегодня концерт.

— Удивительно! — возмутился Барабан. — Мало того, что вы спугнули замечательную птицу своим неуместным замечанием, так вы ещё и хвастаете.

— Какую птицу? — изумилась

ВОСЬМОЕ

Флейта. — Это я сама пела.

— Вы?! — удивлённо выдохнул Барабан.

Инструменты весело зашумели, посмеиваясь над Барабаном. А он смущённо замолчал и с уважением посмотрел на Флейту. Стройная, тонкая, она выглядела настоящей франтихой.

— Нынешний день, — торжественно объявил Орган, — провозглашается днём Флейты. Я надеюсь, нас ждут интересные сообщения и истории. Представьте себе лестницу, на которой все ступеньки музыкальные, как пластиночки ксилофона. Если по ним катать шарик, получатся быстро чередующиеся звуки. Это и будет рулада.

— Всё это прекрасно, — заметила Труба. — Но в зале такая духота. Хотелось бы прохлады...

— Совершенно верно, — свистнула Флейта, — вы правы. Хотелось бы. И именно прохлады. Минуточку...

И тут случилось чудо. Неведомо откуда словно лёгкий ветерок подул. Полились нежные лёгкие звуки. Они были прохладными и светлыми, как

родниковая вода. Конечно, те, кто не чувствует и не понимает музыку, возможно, и не ощутили бы в этих звуках ничего подобного. Но к нам с вами подобная нечувствительность не относится.

— Вы просто волшебница, — облегчённо вздохнула Труба.

— Звучание вашего голоса — как дуновение ветерка, — благодарно сказал Кларнет.

— Вы оба правы, — ничуть не смущаясь похвалой, согласилась Флейта. — Есть даже опера «Волшебная флейта». Её сочинил великий Моцарт. А что касается дуновения, то спешу заметить, коллеги, что имя моё Флейта происходит от латинского слова «флатус», которое означает «дуновение». Считают, что я обязана своим рождением ветру. Когда-то давным-давно бродил в тростниковых зарослях первобытный человек. Однажды ветер обломал стебель тростника, резко дунул в срез тростниковой трубки, и раздался лёгкий свист. Тогда человек решил сам создать подобный инструмент, ещё не зная, для чего он понадобится и понадобится ли вообще. Человек просто радовался прекрасному звуку. А ведь именно с такой радости и начинается искусство.

— Гм, — произнёс рассудительный Кларнет. — Вы хотите сказать, что не будь тростника, не было бы флейты?

— Именно этого я и не хотела бы говорить, — поспешно отозвалась

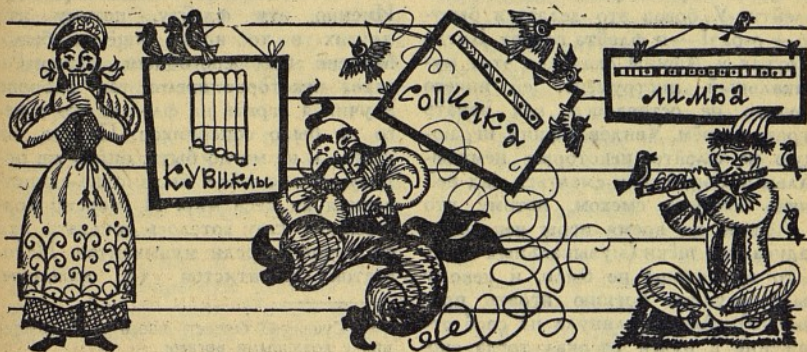
Флейта. — Я, напротив, убеждена, что у разных народов на разных континентах появились самые разнообразные флейты. Где-то первой флейтой стала кость какого-нибудь доисторического зверя, где-то первой флейтой были... губы человека, сложенные трубкой.

Тут Флейта сделала паузу и сказала с хитрецей:

— Впрочем, некоторое время люди придерживались иного мнения. Несколькими тысячелетиями назад они считали, что флейту создал не человек, не природа, а боги.

— Кто создал? — удивилась Скрипка, родившаяся, как известно, в руках трудолюбивого мастера.

— Боги. С вашим именем, дорогая Скрипка, связано множество легенд. Я — тоже инструмент легендарный. Ещё в давние времена мне приписывали необыкновенные свойства. В древности, когда музыка звучала значительно реже, чем сейчас, музыкальные звуки очень впечатляли людей. Нежные и спокойные мелодии флейты могли настроить слушателей на мирный лад, а быстрая и темпераментная игра тогдашних виртуозов могла настолько взвинтить слушателей, что наши несдержанные предки пускались в головокружительные танцы. Словно какая-то неведомая сила вселяла в них различные настроения. И люди приписывали могущество собственного искусства божественному происхождению инструментов.

Флейта, как один из самых популярных музыкальных инструментов древности, тоже считалась созданием богов.

— Не понимаю, — буркнул Барабан, — почему «богов», а не одного бога. Что они её все вместе выдумали?

— Совершенно правильный вопрос, — поспешно согласилась Флейта. — Дело в том, что первые флейты (заметьте, «флейты», а не «флейта») были весьма разнообразны по конструкции. Ведь и сейчас у разных народов существуют самые разнообразные флейты. У русских, например, есть инструмент из семейства флейт — кувикилы, у грузин — ларчеми, у молдаван — най. Это много-трубчатые флейты. На них играют, как на губной гармошке. Только вместо металлических язычков-голосов у этих инструментов свистящие трубки разной длины. Есть у разных народов и однотрубчатые флейты — у украинцев — сопилка, у молдаван —

флуэр, у бурятов — лимба... все не перечислишь. Есть три основных вида флейт: многоствольные флейты Пана, одноствольные продольные — их держат, как... папиросу, а одноствольные поперечные — как нитку, когда её обкусывают. В оркестре сейчас играют на поперечных флейтах... И вот есть легенды по поводу создания разных флейт.

— Теперь мы знаем, что есть легенды, но не знаем самих легенд, — заметил неугомонный Барабан.

— Ну я-то знаю, — многозначительно произнёс Орган. — Я ведь и сам некоторым образом флейта... Молчу, молчу, — поспешно добавил он. — Сегодня ваш день, дорогая Флейта. И я с удовольствием ещё раз послушаю вместе со всеми ваш рассказ.

— Хорошо, — озорно сверкнула своими рычажками Флейта. — Я расскажу вам легенду о создании флейт богами. Но расскажу по-своему.

РАССКАЗ

Это было давно. Тогда ещё не было клуба «МИ» и даже нас самих не было. Как сообщают некоторые легенды, в мире были только боги, и не было даже людей, которые много лет спустя этих богов выдумали. Однажды известная древнегреческая богиня

по имени Афина решила изобрести флейту. У богов это делается быстро — р-раз! — и флейта готова. Когда в руках у Афины оказался этот музыкальный инструмент, ей ничего другого не оставалось, как начать играть на нём. Увидев Афины, играющую на флейте, некоторые немусикальные боги стали смеяться над ней очень обидным смехом, потому что у Афины во время игры некрасиво надувались щёки (музыкальных школ в то время ещё не было, и некому было научить богиню играть правильно). Афина глянула на своё отражение в ручей (зеркал тогда ещё

не было, а ручки уже были), увидела, как искажилось её божественное лицо, устыдилась и забросила флейту, грозно сказав:

— Кто подымет эту флейту, будет жестоко наказан.

И вот однажды молодой и неопытный фавн*

по имени Марсий нашёл флейту. Именно эту флейту, потому что других в то время ещё не было. Марсий был способным фавном и через некоторое время так здорово научился играть на флейте, что у него не было соперников. Правда, их у него и не могло быть, опять же потому, что флейта была одна-единственная на весь мир. И Марсий возгордился. Ему хотелось доказать, что он лучший среди музыкантов. Недостаток флейтистов (и, наверное,

*) Существо божественного происхождения с козлиными рогами.

скромности) побудил самоуверенного фавна вызвать на музыкальный поединок самого покровителя искусств бога Аполлона, игравшего на струнном инструменте кифаре. Неизвестно, кто был в составе жюри этого первого в мире музыкального конкурса, но победа была присуждена Аполлону. Таким образом, Аполлон занял первое место, а Марсий второе. Но разгневанный дерзостью зазнавшегося фавна, бог искусств подверг его непредусмотренным условиями конкурса наказанию.

— Гм, да, — озадаченно произнёс Орган. — Признаться, я много раз слышал эту историю, но совсем в другой манере.

— Вот именно, — весело зашептала Флейта. — Уже много раз. И в иной манере. Значит так, как я, её ещё никто не рассказывал. И зачем же мне было повторять её так, как она уже не раз звучала! У меня своё к ней отношение. Весёлое. Такой уж у меня характер.

И инструменты согласились с Флейтой. Тем более, что денёк за окном тоже был весёлый. К тому же в клубе «МИ» было рассказано достаточно печальных историй. В конце концов, музыкальным инструментам тоже присуще чувство юмора. Спросите у композиторов, если не верите.

— Так какую же флейту изобрела Афина? — спросил Кларнет.

— Продольную, — ответила Флейта. — Прошло много тысяч лет, пока кто-то из музыкантов (людей, а не богов) решил проделать отверстие в стенке флейты и превратить её в поперечную. От этого она зазвучала значительно лучше. А вот флейта Пана, какой была, такой и осталась.

— А кто такой Пан? — задал кто-то вопрос.

— Пан — это тоже бог, — отозвалась Флейта. — Между прочим, ему тоже пришлось встретиться на музыкальном «поле брани» с Аполлоном. Было это так.

Пан, бог лесов и полей, встретил однажды прекрасную деву из одной божественной семьи. Нимфа по имени Сиринга, увидев Пана, испугалась, потому что Пан был не самым

красивым из богов — у него тоже были рога и козлиные ноги, как у Марсия. Пан бросился к Сиринге, а она от него. Бог лесов очень хорошо бежал и стал догонять нимфу. Тогда Сиринга обратилась к богу рек, чтобы он спас её. Бог рек превратил её в тростник. Опечаленный Пан вырезал из стеблей этого тростника многотрубную свирель и стал играть на ней печальные мелодии, вспоминая Сирингу. И флейту Пан назвал сирингой. Так её и называют иногда в наше время. Бог лесов очень гордился своей игрой на сиринге и тоже вызвал Аполлона на поединок. На этот раз судьями были бог горы Тмола и приближённый к богам царь Мидас. Мнения разделились. Бог горы Тмола присудил победу Аполлону, а Мидасу больше понравилась искренняя игра Пана. И тут Аполлон проявил невыдержанность своего характера. Он схватил Мидаса за уши и вытянул их наподобие ослиных. А Пан обиделся и ушёл опять в лес со своей сладкозвучной сирингой.

— Что-то не везло флейтистам божественного происхождения, — заметила Скрипка.

— Не велика печаль, — свистнула Флейта. — Зато у людей флейта всегда была почитаемым инструментом. В Древней Греции в честь бога Аполлона у подножия горы Парнас ежегодно устраивались Пифийские празднества. Правда, как вы поняли, Аполлон неважно относился к флейтистам, но зато он якобы убил фантастического змея Пифона. И во время Пифийских игр выступали музыканты, соревнуясь в игре на разных инструментах. Не забыли и флейту. Более того, флейта считалась самым сложным и интересным инструментом. Знаменитый флейтист Сакадас (это уже не легенда) звуками флейты изобразил битву Аполлона с Пифоном. Слушатели были в восторге — они услышали и тяжкое дыхание борцов, и стоны Пифона, и его предсмертные вздохи. Правда, Сакадас играл не один. Ему аккомпанировали на литаврах, кифарах и других инструментах. Но именно ему, флей-

тисту, пришло впервые в голову разыграть целую сцену и рассказать её не словами, не жестами, не с помощью танцевальных движений, а звуками.

— Впоследствии, если не ошибаюсь, — вмешалась Скрипка, — такие музыкальные рассказы стали называться программной музыкой.

— Да. Программная музыка стала целой эпохой в истории мирового искусства. И, как видите, родилась она не без вмешательства флейты. Конечно, не будь флейты, музыкальные рассказы всё равно родились бы, но то, что две тысячи лет назад флейтист мог исполнять такую музыку, говорит нам о многом. Значит, флейта была очень гибким и богатым инструментом уже давно. Древние флейтисты были замечательными художниками. Их уважали наравне с государственными деятелями. Они появлялись в сопровождении свиты, в роскошных одеждах. Лучшим из них ставили памятники, на которых выбивались стихи, прославляющие искусство музыканта. Интересно, что в старину тоже были разнообразные флейты. На некоторых из них играли... носом. И сейчас ещё у некоторых народов есть носовые флейты.

— Мне вспоминается по этому поводу очень частое выражение у музыкантов, — с усмешкой заметила Скрипка. — Оно, правда, несколько

резковато звучит, но, несомненно, справедливо: «Играй хоть носом, лишь бы получилось!»

Инструменты весело зашумели, вспоминая рассказ Скрипки о Паганини. Конечно, важно знать, как нужно держать инструмент, какими приёмами пользоваться. Но самое главное — музыка. Великий Паганини держал скрипку так, а великий скрипач Генрих Венявский — иначе. Они по-разному шли к одной и той же цели — инструмент должен звучать прекрасно. К этому же стремились и многие безымянные мастера, создавшие арфы, трубы, флейты. Да, они долго искали, прежде чем найти инструмент, который может передать всё многообразие музыки. Они не были богами, и потому на поиски ушли тысячелетия.

— Не понимаю, — буркнул Барабан. — Что тут искать! Что может быть проще — трубка и несколько дырочек! Есть над чем думать несколько тысячелетий!

— А по-вашему всё равно, где должны быть эти, как вы их называете, «дырочки»? — спросила Флейта.

— По-моему, да, — важно ответил Барабан.

— Оно и понятно, — вмешался Кларнет. — Ведь вам никогда не приходилось исполнять мелодии. Поэтому

му вы понятия не имеете, что значит играть чисто или фальшиво.

— Мы-то, деревянные духовые, родственники Флейты, — заметил Гобой, — очень хорошо понимаем значение этих, как вы изволили заметить, «дырочек». Вы знаете, сколько времени прошло, прежде чем мастера поняли, где должны находиться игровые отверстия?

— Из-за того что раньше их сверлили, где попало, лишь бы удобно пальцам было, мы, флейты, не могли попасть в симфонический оркестр, — сказала Флейта. — Каждый инструмент звучал по-своему. Даже двум флейтистам было трудно сыграть одинаковую ноту. А уж добиться, чтобы она совпала со звуками остальных инструментов — и того трудней.

— А как вам кажется, коллега, — продолжала Флейта, — из чего лучше сделать флейту — из дерева или из металла?

— Н-не знаю, — ответил Барабан неуверенно.

Он всё же понимал, что материал, из которого создан музыкальный инструмент, играет огромную роль. Что если бы, скажем, на барабаны натягивали не упругую кожу, а бумагу

или материю, никакого звука не было бы.

— Хорошо, — не унималась Флейта. — Вот вы говорите «трубка». А скажите, какая трубка? Прямая или сужающаяся к концу? А?

— А разве это так важно? — совсем уже смутился Барабан.

— Разумеется, чепуха, — с иронией ответила Флейта. — Ведь бывают же барабаны и треугольные и квадратные и вообще бесформенные, похожие на кляксу...

— Ничего подобного! — воскликнул Барабан. — Всем известно, что барабаны — круглые.

— Но я вижу, что не всем известно, как устроена «трубка» и сколько «дырочек» по вашему выражению, — ехидно заметила Флейта. — И между прочим, не всем понятно, почему понадобилось несколько тысяч лет, чтобы я превратилась из скромной свирели в такую (не буду скромничать) красавицу. Конечно, рассказ об этом будет проще, нежели само превращение...

— Но тем не менее нам придётся отложить его до следующего заседания, — провозгласил Орган — Время, дорогая родственница! Время!

Четыре маленьких ящичка

ЛЮДИ собирают самые разные вещи: корабельные якоря (конечно, не в натуральную величину) и пряники, всевозможные самовары и марки, спичечные этикетки, колокола и книги... Да мало ли что ещё собирают люди!

Юрий Николаевич Лебедев собирает ВСЁ ПРО АВИАЦИЮ. И о том, как люди пытались скопировать крылья птицы, чтобы взлететь, и о первых попытках человека подняться в воздух на воздушном шаре, и о первых настоящих летательных аппаратах, и о сегодняшних авиации и космонавтике.

Честно говоря, когда я шёл к Юрию Николаевичу, думал увидеть массу альбомов, фотографий, рисунков и книг, но ничего этого не увидел. Конечно, и рисунки, и фотографии про авиацию у него есть, но их немного. И книги про авиацию тоже есть, но их также немного. Хотя некоторые из них с автографами лётчиков.

Главное богатство коллекционера в другом.

Четыре небольших ящичка были поставлены передо мной на стол, и Юрий Николаевич объявил, что в них, в этих ящичках, главное. И я стал, не слишком доверчиво, эти ящички просматривать, вернее — карточки в ящиках (знаете, такие, какие есть в библиотеках), и смотреть записи на них.

А записи примерно были такие: даты и события из истории авиации с обязательными ссылками на первоисточник — книгу, статью или журнал. В какой государственной или частной библиотеке книга или журнал находится.

И тогда я понял, что передо мной не совсем обычная коллекция. Это своего рода картотека исторических вех авиации. Миниатюрное справочное бюро. И если кому-то нужны будут, скажем, сведения про первый в мире бомбардировщик, — Юрий Николаевич посмотрит в свой каталог и скажет, где и что было написано про этот самолёт, в какой книге и на каких страницах это можно прочитать.

Вот с какой коллекцией я встретился у Лебедева!

Долго ли он её собирал? Тридцать три года.

Кто он сам по профессии? На этот вопрос даже трудно сразу ответить. Когда-то Юрий Николаевич учился в медицинском институте. Значит, врач? Не торопитесь. По комсомольскому набору, не закончив института, был принят в авиационное училище и стал лётчиком. Значит, лётчик? Да. Но перед самой войной, выполняя ответственное задание командования, лейтенант Лебедев обморозил ноги, и никогда уже не смог больше летать. Тогда он снова вернулся в медицинский институт, но началась война, и лейтенант Лебедев стал партизанским разведчиком. Значит, разведчик? Но в последние годы бывший лейтенант работает слесарем на заводе музыкальных инструментов. Значит, слесарь? Но коллеги Юрия Николаевича по секции истории авиации и космонавтики при Ленинградском национальном объединении историков естествознания и техники знают его как историка.

Тут возникает вопрос: разве так уж сложно заносить в карточки то, что уже известно? Представьте себе, оказывается, сложно! И не только потому, что труд этот сам по себе кропотливый, но нужно ещё быть следопытом, изыскателем и хорошо знать специфику лётного дела и техники.

Однажды Юрий Николаевич наткнулся на сообщение, что при осаде Царьграда киевский князь Олег устранил неприятеля фигурами воинов, вырезанными из позолоченной бумаги и посаженными на таких же позолоченных бумажных коней. Эти самые фигуры были пущены по воздуху (летающие воздушные змеи!) в лагерь противника, и появление «позлащённых фигур» было столь неожиданно, что неприятель растерялся.

Вероятно, встретив такую легенду, вы бы занесли её на соответствующую карточку и на том успокоились. А разве не могут быть в этой легенде разночтения, то есть не может ли она в разных книгах у разных авторов звучать по-разному? Оказалось, может!

Юрий Николаевич нашёл около десятка старых и совсем старинных книг, в которых эта легенда передавалась по-разному.

Но, вероятно, должен быть первоисточник, откуда все легенды пошли? Несколько месяцев исследователь рылся в библиотеках и архивах, отыскивая этот источник. И нашёл. В одной из книг старого русского писателя восемнадцатого века М. Чулкова. Писатель утверждает, что подлинность легенды не вызывает сомнения, поскольку она записана на камне, который хранится в одном из британских музеев.

Если кто-нибудь из вас будет когда-нибудь в Англии, постарайтесь разыскать этот камень и сообщить о нём Юрию Николаевичу.

Сейчас Ю. Н. Лебедев продолжает собирать материалы для книги по истории авиации: это будет хронологический указатель всех важнейших событий — от легенд до наших дней.

А теперь познакомьтесь с некоторыми фактами из коллекции Юрия Николаевича Лебедева.

Я. ДЛУГОЛЕНСКИЙ

КАК РОСЛИ КРЫЛЬЯ

1680 год. СКОЛЬКО ЛЕТ РАКЕТАМ!

Судите сами. В тот — 1680 год — в Москве было основано «ракетное заведение». Тогда же Анисимом Михайловым был составлен «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». Это «ракетное заведение» и положило начало производству и применению ракетной техники.

1731 год. ВПЕРВЫЕ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Снова строки летописи: «1731 года в Рязани при воеводе подъячий Крякутной фурвин (мешок) сделал, как мяч большой, надул дымом поганым и волючим, от него сделал петлю, сел в неё, и нечистая сила подняла его выше берёзы и после ударила его о колокольню, но он уцепился за верёвку, чем звонят, и остался тако жив. Его выгнали из города, он ушёл в Москву, а хотели закопать живого в землю или сжечь».

Тут, кстати, можно припомнить, что первыми изобретателями воздушных шаров долго считались

братья Монгольфьер. Но воздушный шар братьев-французов поднялся в воздух лишь спустя 52 года после полёта подъячего рязанского воеводы Крякутного.

1754 год. КТО ПРИДУМАЛ ВЕРТОЛЁТ?

Ещё одно свидетельство истории:

«1 июля 1754 года на очередной конференции Академии наук... советник Ломоносов показал машину, названную им аэродромной, выдуманную им и имеющую назначением при помощи крыльев, приводимых в движение горизонтально в разные стороны заведённой часовой пружиной, сжимать воздух и подниматься в верхние слои атмосферы для того, чтобы можно было исследовать состояние верхнего воздуха метеорологическими приборами, прикрепленными к этой аэродромной машине».

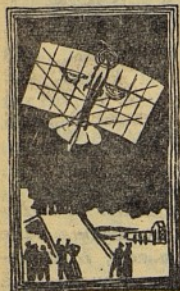
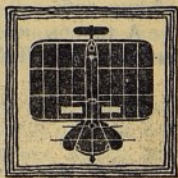
Михаил Васильевич Ломоносов продемонстрировал свою модель вертолёт на 14 лет раньше француза Пауктона, также конструктора вертолёт.

1881 год. ПАТЕНТ НА «ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫЙ СНАРЯД»

Газеты сообщали о том, что 15 ноября 1881 года департаментом торговли и мануфактур выдана привилегия (патент, свидетельство об изобретении) на имя А. Ф. Можайского на изобретенный им «воздухоплавательный снаряд».

Догадываетесь, что это был за «снаряд»? Самолёт! Просто тогда, когда он родился, слова «самолёт» еще не было.

1882—1885 годы. КРЫЛЬЯ НАЦЕЛЕНЫ В НЕБО

Патент патентом, а надо было ещё взлететь. Это случилось в Красном Селе. Здесь А. Ф. Можайский закончил постройку своего первого в мире самолёта и впервые опробовал его.

Газета «Кронштадтский вестник» опубликовала об этом событии сообщение инженера П. Богословского: «На днях нам довелось быть при опытах над летательным аппаратом, придуманным нашим моряком г. Можайским. Изобретатель весьма верно решил давно стоявший на очереди вопрос воздухоплавания. Аппарат при помощи своих двигательных снарядов не только летает, бегаёт по земле, но может и плавать. Быстрота полёта аппарата изумительная. Он не боится ни тяжести, ни ветра и способен летать в любом направлении... В наскоро сделанном им аппарате он два раза поднимался в воздух и летал с комфортом».

Несмотря на некоторые излишние восторги, почти всё правильно. В действительности Можайским были проведены два небольших полёта и было завоёвано первенство в постройке самолёта на 20 лет раньше полётов братьев Райт (декабрь 1903 года).

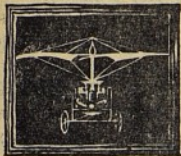
1912 год. ПЕРВЫЙ ПАРАШЮТ

Первый в мире ранцевый парашют создал Глеб Евгеньевич Котельников. Испытания прошли успешно. Но царское правительство не сумело оценить это выдающееся изобретение, не признало его. Первые парашюты, использовавшие принцип Г. Е. Котельникова, были выпущены только в СССР в 1930 году. И оказались лучшими в мире!

1912 год. ПРИШЁЛ ЧЕРЁД И ГЕЛИКОПТЁРУ

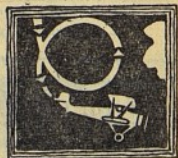
Академик Борис Николаевич Юрьев был тогда всего лишь студентом МВТУ. Но — хорошим студентом: пытливым и настойчивым. Очевидно, именно благодаря этому и сумел он создать в 1912 году первый в мире вертолёт, летающий в горизонтальной плоскости.

1913 год. «МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ»

Она «родилась» тоже в России. 9 сентября 1913 года на самолёте «Ньюпор-4» русский лётчик П. Н. Нестеров впервые перевернул машину «вверх ногами», сделав «мёртвую петлю».

Было положено начало высшему пилотажу.

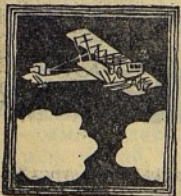

1913 год. РАСТЁТ ЧИСЛО МОТОРОВ

13 мая 1913 года впервые в мире взмыл в небо четырёхмоторный самолёт-гигант «Русский витязь». После его успешных испытаний в России стали строиться и другие многомоторные воздушные корабли, получившие название «Илья Муромец».

Попытки построить подобные самолёты за границей до 1918 года успеха не имели.

Первенство в строительстве тяжёлых самолётов и по сей день остаётся за нашей страной.

1914 год. ТАРАН

П. Н. Нестеров совершил и ещё один подвиг, навсегда вошедший в историю авиации. Шла первая мировая война. 8 сентября 1914 года на Галицийском фронте лётчик Нестеров бросил в небо свой самолёт на машину противника. Это и был первый воздушный таран.

1969 год. ПЕРВЫЕ В МИРЕ

Весь мир восхищён нашим самолётом «АН-22» («Антей») — самым большим, не имеющим себе равных в мире. «Антей» поднял на высоту 7848 метров груз весом 1 004 446 килограмма. Такого ещё не бывало!

Взмыл в небо «ТУ-144» — первый в мире самолёт, способный со 120 пассажирами на борту подниматься до 20 километров в высоту и развивать скорость 2500 километров в час, т. е. вдвое превысив скорость звука. И такого ещё не видел мир!

Это было летом, летом...

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

Сыну подарили велосипед. Сел он и поехал. Проезжает первый круг и кричит:

— Папа, мама, смотрите! Я еду без рук.

Подъехал в третий раз:

— Глядите, я еду без ног!

Подъехал в третий раз:

— Смотрите, я без зубов...

— Ты не знаешь, как отличать ядовитые грибы?

— Знаю.

— Как?

— Очень просто: надо их съесть и ждать результата.

— Ты где отдыхал летом?

— На Кавказе. В горах.

— Вот это да! Значит, ты видел вечные снега Эльбруса?

Что ты, какие снега!? Это же было летом!

СМЕХ ДЛЯ ВСЕХ

Эрик остался на второй год. Огорчённый отец говорит ему:

— Эх ты!.. А я-то обещал тебе велосипед, если будешь заниматься и перерастёшь. Что же ты делал всю последнюю четверть?

— Учился кататься на велосипеде.

— Ты что, не моешься по утрам?

— С чего ты взял?

— У тебя вчерашний желток на щеке остался.

— И вовсе не вчерашний!.. Яйцо я ел позавчера.

— Жак, что это с тобой? Почему это у тебя пояс надет на голову?

— Я стал заниматься боксом.

— А при чём же здесь пояс?

— Это потому, что ниже пояса бить не разрешается.

— Ты слышишь, Поль, я тебе запрещаю идти на рыбалку с Люсьеном. Он только что болел корью, и ты можешь поймать корь.

— Не бойся, папа. Ты же знаешь, что на рыбалке я никогда ничего не ловлю.

— Скажи, Сэдрик, какая сегодня погода?

— Так облачно, мисс, что я никак не разберу, какая она.

Отец ворчит на своего сына:

— Ты опять ходил на речку без моего разрешения! Ведь я же тебе запретил лезть в воду, пока ты не научишься плавать!..

— Мамочка, можно я пойду на реку и искупаюсь?

— Иди, доченька. Повесь одежду на орешник и не подходи близко к воде.

Разговор со «смешным» артистом

НАШЕМУ советскому цирку исполняется пятьдесят лет. Наверное, среди вас нет ни одного, кто не любил бы это весёлое мужественное искусство. Многие из ребят даже мечтают стать артистами цирка. И вот в день рождения нашего цирка мы и решили обратиться к одному из его артистов. К самому весёлому! К заслуженному артисту республики Юрию Владимировичу Никулину.

Конечно, каждый из вас знает его. Если кто-нибудь даже и не встречался с Юрием Никулиным на арене цирка, то безусловно помнит его по кинофильмам «Ко мне, Мухтар!», «Операция Ы», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», где артист играет главные роли.

Наш корреспондент А. Н. Кириченко недавно встретила с Юрием Владимировичем за кулисами Ленинградского цирка и задала ему 12 вопросов. Вот как проходил этот разговор.

ВОПРОС. Юрий Владимирович! Все ребята любят вас за то, что вы «смешной» артист. Скажите, пожалуйста, когда вам впервые захотелось стать «смешным» и почему?

ОТВЕТ. Мне было пять лет, когда я первый раз пришёл в цирк. На манеже мне понравилось всё, но больше всего — клоуны. Они заставляли смеяться и взрослых и маленьких. Я сразу определил, что клоуны — самые главные в цирке.

Придя домой, упросил маму смастерить мне клоунский костюм. Надел его и отправился на маскарад к девочке-соседке. Очень хотелось, как настоящему клоуну, всех смешить. Только не знал, как это сделать. Я ходил среди гостей и нарочно падал. Почему-то никто не смеялся.

Позднее я понял, что вызвать смех очень нелегко, что искусство комического требует таланта, творческой фантазии, мастерства и упорного труда. Вот уже много лет, день за днём, я совершенствую технику, необходимую для создания комических образов.

Мне часто говорят: ведь самое страшное для человека, когда над ним смеются! А вы взрослый, серьёзный, образованный человек и вдруг захотели стать смешным! Отвечаю: между осмеянным и смешным — большая разница. Осмеян-

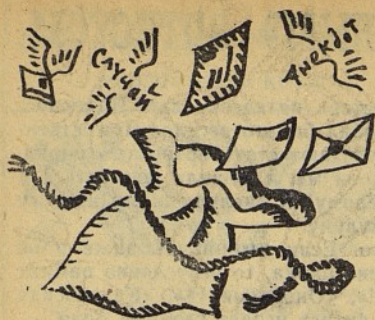
ный человек — жалок, а смешной — то есть способный всех вокруг себя заразить смехом, вселить весёлое настроение, заставить забыть о неприятностях — такой человек всюду желанный. Артист-комик — уважаемая и благородная профессия. За это я её люблю и никакой другой не завидую.

ВОПРОС. Всегда ли вам хочется выходить к зрителям «смешным»?

ОТВЕТ. Да, потому что это дело моей жизни. Но я с удовольствием играю и не «смешные» роли, например, милиционера в фильме «Ко мне, Мухтар!».

ВОПРОС. Бывали в вашей актёрской жизни забавные случаи?

ОТВЕТ. Немало. Помню, я ещё был студентом цирковой студии. В представлении Московского цирка участвовал дрессировщик с группой хищных африканских львов. Днём на манеже шла репетиция. Тут были артисты, ассистенты, служители и случайные посетители. Вдруг в боковой проход вбежал пожарный и закричал: «Дрессировщики, лев из клетки вышел!»

Мгновенно с манежа всех словно ветром сдуло. Я так перепугался, что забрался на галёрку и уселся верхом на прожектор, светивший под куполом цирка. «Тут, — думаю, — меня лев не достанет». Через несколько минут слышу — кругом смеются. Оказалось, что кроме свирепых хищников в программе были и совсем другие львы — морские. Пожарный имел в виду безобидного неуклюжего морского льва, который, переваливаясь с боку на бок, выполз из незакрытой клетки.

Когда я спустился на манеж и снизу взглянул на прожектор, где только что спасался, то не мог даже представить, как я туда влез. Разве только от страха!

ВОПРОС. Наверное, особенно весело бывает на съёмках кинокомедии?

ОТВЕТ. Наоборот. Вот тут не до смеха. Все нервничают, волнуются и тревожатся только об одном: получится ли смешно?!

ВОПРОС. Трудно находить темы для комедийных фильмов?

ОТВЕТ. В жизни всюду много смешного, надо только уметь его увидеть, а для этого развивать в себе чувство юмора.

ВОПРОС. Вы артист-комик. А что вас заставляет смеяться, какие киноактёры? Какие книги?

ОТВЕТ. От души смеюсь, когда вижу на экране игру Чарли Чаплина (особенно в его ранних комедиях), французского артиста Бурвиля, своих соотечественников — Михаила Жарова, Михаила Пуговкина, Сергея Мартинсона. С наслаждением читаю юмористические произведения А. Чехова, Марка Твена, О'Генри, А. Аверченко, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова; смеюсь всегда, когда комическое создано талантливо.

ВОПРОС. Когда и как возникло ваше популярное трио — Бывалый, Трус и Балбес?

ОТВЕТ. Нас создал кинорежиссер Гайдай. Это произошло 27 декабря 1960 года в 17 часов 30 минут по московскому времени, когда художественный совет киностудии «Мосфильм» утвердил состав исполнителей фильма «Пёс Барбос и необыкновенный кросс». С тех пор артист Евгений Моргунов стал Бывалым, Георгий Вицин — Трусом, а я — Балбесом.

Кстати, не считаю Балбеса отрицательным персонажем. Я не люблю воплощать отрицательных. В одной кинокартине даже отказался играть роль немецкого шпиона.

ВОПРОС. Правда ли, что ваше популярное трио больше не появится на экране?

ОТВЕТ. Так предполагалось, но недавно Бывалому, Трусу и Балбесу предложили ограбить инкассатора в цветном телевизионном фильме «Семь стариков и одна девушка». Соблазн был большой, и мы согласились снова сниматься.

ВОПРОС. Кого вам приходилось играть на праздниках новогодней ёлки?

ОТВЕТ. Снежную бабу, Зайчика, Задние ноги оленя, Бармалея, Богача-Кукарача (богатого, злого человека, обижавшего честных индейцев), доктора Айболита и просто клоуна Юрия Никулина.

ВОПРОС. Где ваш четвероногий партнер Дейк, исполнявший роль Мухтара?

ОТВЕТ. К сожалению, минувшим летом Дейк умер. Ему исполнилось десять лет, возраст для собаки солидный. В Киеве у того же хозяина воспитывается сын Дейка, который унаследовал многие его способности. Кто знает, может, и он станет киноартистом.

ВОПРОС. Встречаетесь ли вы с японским мальчиком Тихару Инаиоиси, вашим партнёром по фильму «Маленький беглец»?

ОТВЕТ. С ним теперь дружит мой сын — Максим Никулин. Они познакомились в Москве, куда Тихару приезжал с мамой на фестиваль детских фильмов. За отличное исполнение своей роли в фильме «Маленький беглец» Тихару получил премию и много всяких подарков. Мальчики переписываются, обмениваются новостями.

ВОПРОС. Есть ли у вас какое-нибудь увлечение? Помогает ли оно творчеству?

ОТВЕТ. Собираю смешные случаи и анекдоты. В моей коллекции их накопилось несколько тысяч. Нахожу их везде — на репетициях, в

гастрольных поездках, во встречах с разными людьми. Множество смешных случаев рассказывают мне школьники в письмах.

Помогает ли собрание смешных случаев в творчестве артиста-комика? А как же! Ведь это драгоценная копилка, необходимая для создания новых клоунских сценок и комедийных образов. Так что буду очень признателен, если и читатели «Искорки» тоже поделятся со мной смешными историями. Я пополню ими свою коллекцию. Письма шлите по адресу: «Москва, цирк, Юрию Никулину».

Рис. Г. Моисеевой

САМЫМИ подвижными крыльями обладают колибри. Благодаря крыльям эти птицы могут, не поворачивая тела, летать вверх, вниз, назад, вперёд и останавливаться в воздухе на одном месте, высасывая при этом нектар цветов.

САМАЯ голосистая птица-колокол — живёт в Бразилии. Её пение очень напоминает звон колоколов и слышно на расстоянии до трёх километров.

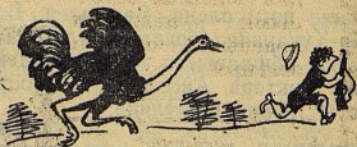
САМЫЕ крупные яйца несла жившая на острове Мадагаскар и ныне вымершая птица воромпатра (эпиорнис). Каждое из яиц воромпатры вмещает 9 литров, что приблизительно соответствует по объёму 184 куриным яйцам. Из одного яйца воромпатры можно было приготовить яичницу почти на сто человек, а всеми яйцами из одного гнезда накормить две тысячи человек.

САМЫМИ ценными среди морских птиц считаются гаги. Достаточно 50—100 граммов их пуха, чтобы сделать хорошо сохраняющую тепло зимнюю шубу.

САМЫМ крупным пернатым хищником является калифорнийский кондор. Длина его тела больше метра, а крылья имеют размах около трёх метров.

САМОЙ большой частотой биения сердца не только среди птиц, но и среди всех животных, отличается синичка-московка. Сердце у неё делает 1200 ударов в минуту.

САМАЯ большая птица на земном шаре — африканский страус. Его высота достигает трёх метров, а вес — девяноста килограммов. Страус не летает, но отлично бегает.

САМЫМИ высоколетающими птицами считаются орлы и грифы. При полётах они иногда поднимаются над землёй до трёх-четырёх километров.

САМОЙ быстролетающей птицей является стриж. Он летает со скоростью до 320 километров в час. В течение дня стриж покрывает расстояния в сотни километров.

САМЫЕ протяжённые беспосадочные перелёты совершают небольшие птички из семейства куликовых, которые проводят лето на Алеутских, а зиму на Гавайских островах, пролетая при своих путешествиях более трёх тысяч километров над морем.

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

Проделав большое число опытов, учёные установили, что зрение пчёл, как и человека, трёхцветное. Всё богатство красок они воспринимают как комбинации трёх основных цветов. Если для человека основными являются красный, синий и зелёный, то для

РАЗЛИЧАЮТ ЛИ ЦВЕТА ПЧЕЛЫ?

пчелы это сине-фиолетовый, жёлто-зелёно - оранжевый и... ультрафиолетовый.

Исследования показали, что пчела

видит незримые для человека ультрафиолетовые лучи и это помогает ей различать цвета, не различимые для людей. Как и у человека, глаз пчелы имеет сложнейший автоматиз-

ческий регулятор, обеспечивающий независимость окраски от условий освещения. Поэтому пчеле, как и нам, жёлтый цвет кажется жёлтым даже тогда, когда под действием изменившегося солнечного освещения он будет в основном отражать зелёные лучи.

«КОНКУРС КРАСОТЫ»

На этот раз его участниками стали... более 160 кошек различных пород. Необычный конкурс проходил в городе Карл-Маркс-Штадте [ГДР]. Победителем стал 9-летний кот персидской породы, по кличке Николино. Ему присуждён специальный приз.

Николино — не новичок в подобного рода состязаниях. Он уже не раз завоевывал призы в Италии, Франции, Западной Германии, Чехословакии.

В ШКОЛУ НА... ХОДУЛЯХ!

Хождение на ходулях — один из важнейших предметов у школьников японского острова Ёко. Дело в том, что школа расположена на соседнем острове Абусима, отделённом от Ёко узким проливом. Обычно учеников возят в школу на лодке. Но иногда пролив мелеет и ребятам приходится ходить в школу на ходулях.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СОМЫ

обработанные, они служат прекрасным материалом для изготовления многих восточных музыкальных инструментов — дутаров, дойр, рубабов, гиджаков.

На Муйнакском
рыбоконсервном

комбинате (Каракалпакская АССР) сомов перед разделкой укладывают в холодильник. Замораживание помогает легко снимать рыбы шкурки. Затем их превращают в прозрачную плёнку, которая не боится воды, становится упругой и звонкой.

...количество углекислого газа в атмосфере с каждым годом увеличивается? Этому способствует работа фабрик и заводов, сжигающих огромное количество топлива. А углекислый газ задерживает уходящее в космос земное тепло. Учёные подсчитали, что за полвека средняя годовая температура по этой причине повышается на 4 градуса.

...после дождя цветы пахнут сильнее? В сухую погоду листья растений свёртываются, а поры лепестков закрываются. После дождя, наоборот, поры открываются и пахучие эфирные масла свободной проникают в воздух, распространяя цветочный аромат.

...в ста километрах от мексиканской столицы Мехико, в местечке Чолула, учёные обнаружили гигантскую пирамиду? Судя по предварительным обмерам, она — самая большая в мире. Высота пирамиды достигает 60 метров, каждая сторона её основания — 300 метров. Великая египетская пирамида Гизз имеет высоту 137 метров, у основания же значительно меньше. Длина ребра её фундамента — 220 метров.

...страусы могут обходиться без воды в течение 10 дней? Они живут за счёт внутренних резервов, при этом постепенно теряют в весе. Если страус потерял треть своего веса, он может погибнуть. Страусы, которые длительное время обходились без воды, могут в один приём выпить такое количество воды, которое полностью восстановит их прежний вес.

...в Алма-атинском зоопарке живёт самый крупный в нашей стране пернатый хищник — бородач-ягнятник? Его крылья в размахе превышают два метра, а за пучок перьев на нижней части клюва его прозвали «бородачом». На воле он гнездится на отвесных скалах и, поднявшись на огромную высоту, часами парит в поднебесье, высматривая добычу. Бородач-ягнятник способен заглатывать крупную добычу и даже... камни. Недаром казахи называют его «болта джутар», что означает «топор проглотит».

...известный английский антрополог доктор Луис Лики объявил о редкой находке в Кении? Им на острове Русинга, расположенном на озере Виктория, в 480 километрах от Найроби, были раскопаны кости скелетов древнейших предшественников человека. По определению учёных Нембриджского университета, они жили 19—20 миллионов лет назад. Учёный утверждает, что эта находка свидетельствует, что ещё в эпоху нижнего миоцена в Восточной Африке были распространены ископаемые обезьяны, из которых впоследствии развивались современные человекообразные — гориллы и шимпанзе.

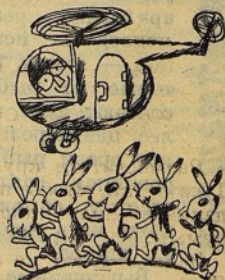
...слово «календарь» произошло от латинского *calendarium*? В буквальном переводе это означает «долговая книга». В старину в неё записывались расчёты с должниками, обязанными платить проценты первого числа каждого месяца.

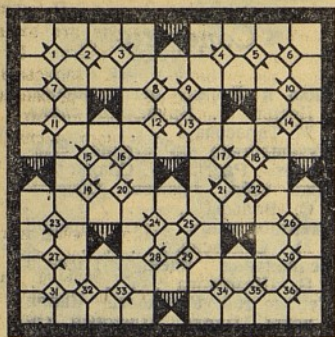
...число имён, которые дают новорождённым, всё больше и больше сокращается? Оказывается, до 60 процентов мужчин среднего возраста носят всего 11 имён. Как показала статистика, на сто новорождённых мальчиков приходится 20 Александров, 15—20 Андреев, 15 Сергеев. Интересно, что в Москве сейчас проживают тысячи Иванов Ивановичей Ивановых!

...загадочное шествие зайцев наблюдалось на Камчатке? Табуны «косых» численностью в несколько сот видели охотники в районе реки Сторож. Зайцы перемещались в сторону Тихого океана. Подобные шествия наблюдали камчатские авиаторы и в других местах полуострова. Специалисты объясняют эти «путешествия» минеральным голодом, который животные могут утолить на берегу океана, усеянном водорослями.

(Составил Вадим СОЛОВЬЕВ)

Все слова этого кроссворда из четырёх букв. Читается каждое слово вокруг соответствующей цифры по часовой стрелке.

1. Жёлоб для отвода дождевой воды. 2. Войсковое подразделение. 3. Товарная упаковка. 4. Портовый город на Каспийском море. 5. Мебель. 6. Советская писательница. 7. Домашнее животное. 8. Определённый момент в периодическом изменении внешнего вида лунного диска. 9. Поездка. 10. Отход после обезжиривания семян масличных растений. 11. Основа, фундамент, опорный пункт. 12. Отверстие по краю бильярдного стола. 13. Персонаж произведения М. Горького «Старуха Изергиль». 14. Мельчайшая частица химического элемента. 15. Свод, криволинейное пере-

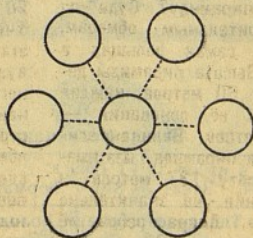
крытие. 16. Часть корпуса лошади, собаки. 17. Естественный водный поток. 18. Единица измерения. 19. Один из продуктов животноводства. 20. Польза, толк. 21. Род борьбы. 22. Раздел учебной программы. 23. Небольшой внутренний балкон в зрительном зале. 24. Совет, совещание у некоторых славянских народов. 25. Загородный дом. 26. Музыкальный инструмент. 27. Областной город в РСФСР, один из центров металлургии и машиностроения. 28. Часть окружности. 29. Резкий толчок. 30. Осветительный прибор. 31. Самое главное, смысл. 32. Участок поверхности или пространства, заслонённый чем-либо от падающих лучей. 32. Род метеорологических осадков. 34. Одежда. 35. Художник, создатель панорам Бородинского сражения и Севастопольской обороны. 36. Река на Кавказе.

ЗАДАЧА

(Составил Вова СТРАТОНОВ)

Разместите в кружках числа от 1 до 7 так, чтобы по трем направлениям получились одинаковые суммы.

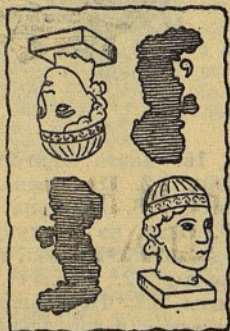
Задача имеет не одно решение... Сколько решений найдёте вы?

РЕБУС-ПЕРЕВЕРТЫШ

(Шутка)

Подумайте — какая особенность зашифрованной фразы сделала этот ребус «перевёртышем»: его можно решать и так, как здесь представлен рисунок, и, перевернув его, «вверх ногами».

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 7)

ЧАЙНБОРД «КРЕЙСЕР»

1. База. 2. Атолл. 3. Люк. 4. Корпус. 5. Сирена. 6. Анероид. 7. Дек. 8. Крейсер. 9. Рейдер. 10. Развал. 11. Лаг. 12. Гичка. 13. Анкерок. 14. Кливер. 15. Рым. 16. Марс. 17. Слянка. 18. Антициклон. 19. Нок. 20. Кнехт. 21. Такелаж. 22. Журнал. 23. Лидер. 24. Редан. 25. Неф. 26. Фиорд. 27. Дуб.

ЗНАМЕНИТЫЕ КОРАБЛИ

«Восток», «Азарт», «Варяг», «Киров».

Содержание

Тихо к Ленину песня вошла. Песня Ф. Брука на слова М. Тарасова	1
Путешествие по стране «Август». Рассказ Н. Сладкова .	2
Ищи себя, Громов. Повесть С. Вольфа	7
Осенняя книга. Стихотворение М. Садовского	22
Гениальная идея. Рассказ В. Шиманова	23
Сердце гор. Усталость. Капля воды. Пчела. Пленный сокол. Горная река. Не стану на колени. Стихи М. Магомедова	26
Эшелон идёт на восток. Отрывок из повести Ж. Браун	28
Уха. Стихотворение Н. Егорова	44
Клюёт! Беда мне с папой. Стихи А. Шиббаева	45
Клуб «МИ». Очерк А. Клёнова	46
Четыре маленьких ящичка. Зарисовка Я. Длуголенского	52
Как росли крылья. Статья Ю. Лебедева	53
Это было летом, летом... Иностраный юмор	56
Разговор со «смешным» артистом. Интервью А. Кириченко	57
Самое, самое, самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Се-нокос».	
На 3-й странице обложки фоторассказ Н. Карасёва «Операция «Зефир».	
На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Сколько тут грибов?»	

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 19/VI 1969 г.
М-34684. Заказ № 816.

Подписано к печати 12/VIII 1969 г. 4 печ. л.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

○[шдот]зк

3шфzа

Цена 10 коп

